

**Безруков М. П., Кулешов С. В.,
Медушевский А. Н., Свириденко Ю. П.**

**Новейшая история России
в политико-социологическом
измерении**

МОСКВА

**Сергей Владимирович Кулешов
М. П. Безруков
Андрей Николаевич Медушевский
Ю. П. Свириденко**

**Новейшая история России в политико-
социологическом измерении**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16901782

*Новейшая история России в политико-социологическом измерении./ Безруков М. П., Кулешов С. В., Медушевский А. Н., Свириденко Ю. П. – Москва.: Пробел-2000, Информационно-аналитический центр «Гуманитарий», . – 978-5-98604-072-4: Пробел-2000; Москва; 2006
ISBN 978-5-98604-072-4*

Аннотация

То, что история – это наука о прошлом человечества, очевидно, не будет оспаривать никто. По мере развития общества и его институтов возникало стремление осмыслить исторический процесс, исследовать общественный организм в его социокультурной многомерности. Происходила дифференциация знания о ведущих тенденциях социального бытия, совершенствовался инструментарий творческого анализа, в гуманитарных науках появлялись новые направления, отпочковывались исследовательские школы и учебные дисциплины...

Предлагаемая книга содержит авторский взгляд на историю России новейшего времени в параметрах политической социологии. Авторы будут признательны всем, интересующимся социально-политическим развитием своей страны, кто сочтет возможным ознакомиться с их трудом.

Содержание

Введение	5
Глава I	8
Глава II	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Безруков М. П., Кулешов С. В., Медушевский А. Н., Свириденко Ю. П Новейшая история России в политико- социологическом измерении

Рецензенты:

Михайлов В.А.

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных, федеративных и международных отношений Российской Академии Государственной Службы при Президенте РФ

Тощенко Ж. Т.

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования»

Введение

То, что история – это наука о прошлом человечества, очевидно, не будет оспаривать никто. По мере развития общества и его институтов возникало стремление осмыслить исторический процесс, исследовать общественный организм в его социокультурной многомерности. Происходила дифференциация знания о ведущих тенденциях социального бытия, совершенствовался инструментарий творческого анализа, в гуманитарных науках появлялись новые направления, отпочковывались исследовательские школы и учебные дисциплины.

Одной из таких дисциплин (субдисциплин) является политическая социология. Она призвана более предметно изучить те явления, которые в политической истории рассматриваются в широком социально-хронологическом контексте. Опираясь, как и историческая наука, конкретными фактами, политическая социология сосредотачивает в то же время преимущественное внимание на таких проблемах, как-то – соотношение общества и государства, правовые системы и политические институты, общественность и власть, психология социальных групп, их менталитет.

Эти темы издавна были предметом пристального внимания философов и историков. Особенно активно они разрабатывались в периоды динамичного развития общества, когда объективно возникал повышенный спрос на политические знания. Отнюдь не всегда и не везде люди, игравшие в политической практике ключевую роль, способны были адекватно оценить значимость и полезность знаний о закономерностях политических процессов. Нередко они предпочитали действовать посредством импровизаций, полагая, что политика требует скорее развитой интуиции, нежели профессионализма и научной фундированности. Однако победителями в политических схватках как правило оказывались те, кто смог всесторонне осмыслить политические реалии, глубоко освоить имеющийся политический опыт. Без этого политик, какими бы благородными мотивами он не руководствовался, какими бы высокими моральными качествами не отличался, постоянно будет рисковать погубить себя, равно как и движение, которое он возглавляет. Разумеется, профессионализм и хорошее знание политической жизни отнюдь не единственное слагаемое доминирования той или иной политической линии. Но при прочих равных условиях это слагаемое становится решающим.

С древнейших времен мыслители стремились аккумулировать и систематизировать опыт политического развития, выразить его в теоретических схемах и практических рекомендациях. Платон и Аристотель, Макиавелли и Гоббс, Руссо и Монтескье – все они прекрасно понимали, что без знаний о технологии государственного управления и политической борьбы оказываются нереалистичными проекты общественного переустройства, остаются нереализованными любые общественные идеалы. Поэтому всегда выдающиеся политические мыслители стремились перевести полученные ими теоретические результаты в плоскость практической политики, хотя не всегда эти намерения встречали отклик людей, стоящих у кормила государственной власти. Только в Новое и Новейшее время политическая наука начинает восприниматься и в сознании политической элиты, и в массовом общественном сознании как чрезвычайно важная вещь, имеющая несомненную практическую ценность. Это объясняется победой капитализма, политической эмансипацией третьего сословия, выходом на политическую арену рабочего класса, новых социальных групп, образованием крупных политических партий, переходом к практике всеобщего избирательного права. Лежащая в фундаменте индустриального общества экономическая конкуренция порождает острое политическое соперничество различных групп интересов по поводу распределения между ними государственной власти, ее устройства и отдельных ее мероприятий. Именно открытость политического процесса для легального и широкого участия самых

разных социальных движений и инициатив определила массовый общественный спрос на политические исследования, которые с этого времени получают прочные институционные формы и солидную экономическую поддержку. В XX столетии политическая социология была на Западе одной из наиболее бурно развивающихся дисциплин. Она представлена ныне во всех сколько-нибудь значительных научных центрах, преподается практически во всех университетах. Издается огромное количество политологических журналов. Литература по соответствующим проблемам насчитывает тысячи и тысячи наименований. Оформились крупные политологические школы, выработаны эффективные методы исследования и развитый теоретический инструментарий.

В России до 1917 года и в советское время примерно до середины двадцатых годов политическая социология также получила определенное развитие. Но в дальнейшем в СССР картина была совершенно иной. Система, которую сегодня принято обозначать как тоталитарную, была в значительной степени несовместима с политикой как областью взаимодействия социальных групп и организаций в области функционирования и структуры государственной власти. Подавляющее большинство населения оказывалось фактически выведенным за рамки политического процесса. Если политическое взаимодействие и имело место, то протекало оно в скрытых формах, и никто из его участников не был заинтересован в «девуализации» этих форм, в серьезном научном исследовании реальных структур и механизмов власти, действительных каналов и способов давления на нее.

Сегодня в политику вовлекаются значительные массы населения, формируя тем самым широкий спрос на социологические и политологические знания. С другой стороны, более открытыми и доступными для научного анализа становятся механизмы подготовки и принятия политических решений. В этих изменившихся условиях исследования в области политической социологии оказываются столь же необходимыми, сколь и возможными.

Заметим, что в современных условиях, когда уже подготовлен ряд специальных работ, в том числе и учебного профиля, в области истории, философии, социологии, правоведения, политологии, продуктивно появление работ, выполненных «на стыке» общественных дисциплин, в которых предпринята попытка междисциплинарного синтеза гуманитарного знания.

Дело в том, что во всех обществоведческих курсах, в рамках определенного предмета изучается человек, точнее – человеческая деятельность в социально-преобразующих формах.

Человековедение – широкое интеллектуальное поле гуманитарных (и естественных) исследований. Игроки на этом поле могут быть одеты в форму различных специальностей и кафедр. Но объект познания у них общий. Так, философы осмысливают историческое бытие, размечают карту историко-концептуального познания, пытаются сформулировать социальные законы, ответить на вопросы о смысле развития цивилизаций, выработать систему ценностных оценок.

Все это невозможно без понимания природы самого человека как биосоциального феномена. Сегодня ясно, что социальная организация обусловлена этой природой. Известный российский философ Д. И. Дубровский справедливо утверждает, что под «природой человека» обычно имеют в виду комплекс устойчивых свойств социального индивида, инвариантных по отношению к различным историческим эпохам, этносам, общественным и государственным устройствам, что указывает на их детерминированность биологической организацией (т. е. генетическими факторами). Тогда понятен контекст, в котором «природа человека» соотносится с социальной организацией и социальным развитием. Крах многих политических конструкций, базировавшихся на социальных утопиях, обусловлен прежде всего их несоответствием человеческой природе.

Для адекватного «прочтения» социополитической партитуры исторического процесса необходимо выявление мотивов поступков людей, поведения разных социальных групп, особенно в моменты исторических разломов, смены эпох, смут, революций. Общественная психика в такие «минуты роковые» бывает перегрета, социальные беды при их умелом использовании политическими лидерами, манипулировании инстинктами толпы, в которую часто превращается социум, расставляют свои приоритеты. Поэтому здесь правомерно обращение к наработкам психологической науки. Ученые не должны полностью отдавать на откуп поэтам и писателям анализ и учет в социокультурных изысканиях таких экзистенциальных характеристик человеческого бытия, как страх, зависть, страсть, агрессивность и др. Часто – это не менее действенные мотивы человеческих поступков, чем, скажем, социально-экономические факторы.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание студентов, аспирантов, преподавателей. Уважение к накопленному интеллектуальному материалу, знание социальных учений, имен их создателей – непереносимое условие процесса обучения и творческого созидания. Скепсис, основанный на невежестве или дилетантизме, смешон. Но как создатели новационных учений и теорий входили в науку в чем-то критически переосмысливая вклад своих предшественников, так и отношение к ним самим тоже не допускает фетишизма, слепого преклонения. Такой подход – не лучшая дань памяти крупных мыслителей. Жизнь стремительно идет вперед, открытия в генетике, биологии, новое информационное пространство – диктуют свои требования к гуманитариям. Нужны новые идеи. Одним из ярких примеров добросовестного, но отнюдь не апологетического подхода к коллегам по профессиональному цеху до сих пор остается капитальный труд французского социолога Р. Арона «Этапы развития социологической мысли». (М. 1993).

И еще одно замечание. «Классики» – тоже живые люди. Они ходят по общим социальным тропам. Амбиции, творческая ревность, корпоративные и личные пристрастия, жизненные заботы – это все присуще им и как просто людям и как членам академического или преподавательского сообщества. Достаточно внимательно прочитать недавно изданную у нас переписку 1920–1963 гг. таких крупных социальных философов, как М. Хайдеггер и К. Ясперс (М. 2001).

Предлагаемая книга содержит авторский взгляд на историю России новейшего времени в параметрах политической социологии. Авторы будут признательны всем, интересующимся социально-политическим развитием своей страны, кто сочтет возможным ознакомиться с их трудом.

Использованная и рекомендуемая литература

Аносов И. П., Дубровский Д. И., Кулешов С. В. Человек в антропологическом измерении. М. 2002.

Буков В. А., Жильцов Н. А., Кулешов С. В., Медушевский А. Н. История России в политико-правовом освещении. Часть I (IX-нач. XX вв.). М. 2005.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. 1998. Философия истории. Антология. М. 1994.

Глава I

Политическая социология: мировой контекст анализа

Социология, основанная Огюстом Контом еще в начале позапрошлого века, продолжала развиваться на Западе и особенно в США и достигла там значительного успеха. Активно развивается она и в демократической России. Без современной социологической теории, представленной рядом крупных научных направлений и школ, связанных с ними программ конкретных социологических наблюдений, данные которых обрабатываются с помощью новейшей электронно-вычислительной техники, невозможно сегодня представить ни одно крупное социальное мероприятие. Можно констатировать широкое применение социологических исследований в бизнесе, изучении социальных структур и их функционирования, политического процесса, организации власти и лидерства. Социология повсеместно включена в программы высших учебных заведений, является одной из наиболее популярных дисциплин (отчасти сменив в этом отношении право), на ее развитие и распространение не жалеют средств. В то же время, можно констатировать сближение или даже интеграцию с социологией всех других общественных дисциплин – философии, истории, политической экономии, этнографии, юриспруденции и других, каждая из которых в большей или меньшей степени претерпела общий для них всех процесс социологизации. Действительно, имена крупнейших социологов XX века – Макса Вебера, Питирима Сорокина, Талиота Парсонса и др. можно в равной мере встретить как в собственно социологической литературе, так и в многочисленных трудах по философии, праву, истории. Все это не значит, конечно, что социология полностью вытеснила или тем более заменила собою другие науки. Совсем напротив: развитие социологии стало возможно не вопреки, а вследствие развития многих конкретных областей человеческого знания, объяснение и синтез которых как раз и составляет ее основную задачу.

Здесь мы вплотную подошли к важному вопросу о предмете и методе социологии как самостоятельной научной дисциплины. Дать их обоснование и означает в сущности установить соотношение социологи с другими науками об обществе и в то же время – провести разграничительную линию между ними. И в прошлом и в настоящее время вопрос этот был предметом острых споров. Одни ученые полагали, например, что социология есть не что иное как простая сумма, свodka достижений других – конкретных наук, накапливавших свой материал путем непосредственных наблюдений фактов реальной жизни. На этом основании за социологией вообще отрицалось звание самостоятельной научной дисциплины. Специфическим проявлением этого же взгляда явились различные попытки отождествить социологию с какой-либо другой общественной или естественной наукой – правом, психологией, этнографией, экономикой, историей, наконец, биологией и т. п. Так возникали, а в определенной степени и продолжают существовать различные школы и направления в социологии, связывающие ее дальнейшее существование с разработкой той или иной области человеческой деятельности, того или иного фактора общественного бытия, который признается решающим и определяющим все остальные.

Понятно, что такой подход в любом конкретном его проявлении уже в момент своего возникновения вызывал веские возражения оппонентов, каждый из которых мог привести вполне убедительные контраргументы и факты, не укладывающиеся в предложенную схему. Следует отметить, однако, что возникновение данного взгляда имеет и имело, особенно на начальном этапе развития социологии, определенные основания объективного характера. Главным из них явилось общее состояние всех наук об обществе, переходный период в их

развитии. Не случайно основатель социологии – О. Конт определял прогресс человечества как развитие знания, которое идет в три этапа: от теологических систем к метафизическим и от них – к позитивному (т. е. подлинно научному, реальному) знанию. Тот период, когда закладывались основы социологии и формировался ее метод, явился, согласно рассмотренной выше периодизации, эпохой перехода от метафизика к позитивизму, сопровождавшегося существенной трансформацией методологических основ общественных наук. Отказавшись, с одной стороны, от цельных метафизических систем и вместе с тем единого общего взгляда на мироздание, который был свойственен предшествующей философской традиции, прежде всего классической немецкой философии, наука, в то же время, не выработала еще нового целостного представления об обществе как единой системе со свойственными ей отношениями и противоречиями. Социология как «позитивная» наука могла, поэтому, лишь декларировать создание такого общего взгляда, а реально изучать лишь отдельные факторы, социальные структуры и учреждения, их иерархию и степень влияния. В условиях временной утраты общей перспективы социология долгое время не могла, по-видимому, ставить себе других задач.

Другой взгляд на социологию, восходящий также к Конту, Спенсеру и Миллю и легший в основу современной социологической теории, сформировался в русле неокантианской традиции в конце XIX – начале XX вв. Философское обоснование он получил прежде всего в трудах немецких ученых, в частности, В. Дильтея, Г. Риккерта и В. Виндельбанда, идеи которых определили представления о социологии как науке, качественно отличной от всей той совокупности научных дисциплин (и каждой из них в отдельности), которые составляют ее основу. Согласно данному учению все вообще науки распределяются на две большие группы – номотетические и идеографические в соответствии с предметом их изучения. К первой группе наук – номотетических – относятся те, которые исследуют процессы и явления закономерные, а цель этих наук как раз и состоит в отыскании этой закономерности, открытии за разнообразием проявлений повторяемости, типичности и единства, которые, по закону экономии мышления, должны быть сведены к простым формулам, выраженным математически и поддающимся эмпирической проверке. Ко второй группе – наук идеографических – относятся те из них, которые имеют дело с явлениями неповторимыми, индивидуальными (отсюда их название), которые не подчиняются в своем развитии никакой определенной закономерности, а потому и не могут быть выражены в виде формулы. К числу таких наук относятся все те дисциплины, которые, в силу особенностей своего объекта и методов его изучения, вынуждены работать на уровне описания явления, а не анализе закономерностей их развития. Такими науками являются, например, биология, геология, все или почти все науки об обществе и прежде всего история. Отметим, что данное противопоставление наук номотетических и идеографических является в какой-то степени модификацией известной идеи Конта, который в своей классификации наук, распределяя их на абстрактные и конкретные, социологию, как науку синтезирующую, противопоставлял истории, как науке конкретной, эмпирической, задачей которой составляет сбор фактов для последующего обобщения.

Исходя из этого процесс образования понятий в науках двух групп совершенно разный. Если в науках номотетических он находит выражение в формулах, отражающих общие всем явлениям данного типа свойства, то науки идеографические оперируют понятиями, представляющими собой исследовательские конструкции – «идеальные типы», которые могут лишь в большей или меньшей степени приближаться к истине, но неспособны выразить ее полностью. Цель «идеального типа» – выразить не все, а лишь наиболее общие, типические черты данного явления или процесса. Поэтому он, являясь результатом исследовательской конструкции, неизбежно приобретает (в отличие от математической формулы) субъективный характер, являясь не столько результатом познания, сколько средством его.

Все сказанное делает понятным, каким должен был стать новый взгляд на социологию, сформулированный на основе метода идеальной типизации. Социология в указанном ее понимании призвана была стать наукой синтезирующей по преимуществу. В русле данной научной традиции социология к началу XX века уже достаточно четко определила свой предмет и метод в качестве самостоятельной научной дисциплины. Споры на эту тему и труды Э. Люркгейма, Г. Зиммеля и особенно М. Вебера по этим проблемам создали философские основы и принципы того метода, который мы теперь называем социологический. Смысл существования социологии, как самостоятельной науки, был найден в создании (на основе данных других наук, носящих индивидуальный характер) таких идеальных типов или образов явлений, которые обобщают их наиболее характерные черты с целью выполнения устойчивых связей и отношений между ними, решения вопроса об их преемственности в общеисторической перспективе.

До сих пор мы говорили только о немарксистской философии и социологии, поскольку современная социология как наука, получившая развитие преимущественно на Западе, нашла свое обоснование именно в русле данной научной традиции. Это обстоятельство не исключает, однако, определенное влияние на социологию марксистской мысли, прежде всего в тех областях, которые непосредственно изучают социальные и классовые противоречия, революционный процесс, проблемы идеологии, как, например, социология конфликта, рассматривают ключевые проблемы современности. Во всяком случае можно констатировать определенный рост интереса к данной научной проблематике, которая все более становится предметом осмысления как теоретической, так и конкретной социологии. Таким образом, современная социология, при всем разнообразии составляющих ее направлений и школ, представляет собой науку, место и значение которой вполне определилось. Из дисциплины, самосуществование которой еще не так давно ставилось под сомнение, социология очень быстро превратилась в одно из ведущих направлений современной научной мысли и деятельности.

Существует, несомненно, объективное различие между историческим и чисто логическим подходами в научных исследованиях. В качестве примера такой ситуации в естественных науках (напр., биология) можно привести изучение роста дерева. При историческом подходе в центре внимания окажется сам процесс зарождения, становления и развития дерева, стадии его роста, как например, возникновение дуба из желудя. Для историка главной проблемой становится вопрос о том, как данное явление возникло, какие стадии в своем развитии оно прошло и чем стало? Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке раскрыть механизм его функционирования, например, понять, каким образом дерево устроено, как осуществляется подача в него питательных веществ, каковы каналы коммуникаций и т. д. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, «работает» так, а не иначе. При изучении общественных явлений таков именно подход социолога. Социология (в отличие от истории) изучает не столько развитие общества, сколько механизм его функционирования.

Этим определяется во многом место социологии в кругу других общественных дисциплин. Если философия подходит к обществу, используя главным образом метод дедукции, то история, наоборот, слишком конкретно, используя метод индукции и ставя своей задачей прежде всего получение критически проверенных фактов. Социология призвана дать синтез обоих подходов, состоящий в возможности построения общих понятий или моделей социальных явлений, опирающихся в то же время на данные эмпирических исследований и, в силу этого, поддающихся проверке, верификации.

Известно, что всякая наука определяется своим методом и предметом. Метод социологии и, собственно, политической социологии – совпадает. На этом основании ряд ученых (напр., Т. Парсонс) указывали на трудность или даже невозможность разграничения обеих

наук. Однако по своему предмету политическая социология, несомненно, имеет весьма определенные черты самостоятельной научной дисциплины. Дело в том, что областью ее изучения является политический процесс, т. е. та сфера общественной жизни, которая, несмотря на свою актуальность, мало изучена, традиционно окутана непроницаемой завесой тайны и всего менее желающая раскрыть закономерности своего функционирования. Изучение этих проблем имеет давнюю традицию, восходящую к Аристотелю, Макиавелли, Монтескье, а в новейшее время представленную трудами Вебера, Моски, Парето и их последователей. Поэтому политическая социология находится на стыке социологии, политологии и истории и может интерпретироваться как применение социологических методов к решению традиционных проблем политической науки.

Обратимся к некоторым фундаментальным проблемам политической социологии. Начнем с *теории социальной стратификации*.

В любом обществе, как известно, существует более или менее оформившаяся дифференциация слоев, групп и индивидов, разграничение которых можно провести в принципе по самым разнообразным признакам. На этом основана теория социальной стратификации – одного из центральных направлений современной социологии, ставящего своей задачей поиск, выявление и объяснение неравенства в обществе. Социология была первой наукой, поставившей своей задачей изучение общества как единого целого, преодолевая таким образом традиционно имевшее место преимущественное внимание к отдельным аспектам социальной системы. Основной для нее стала поэтому концепция социальной структуры, т. е. систематического взаимодействия форм поведения или деятельности в различных обществах.

В современной науке данный подход нашел наиболее полное обоснование в структурализме, ставящем своей задачей поиск такого рода структур в различных регионах и на разных этапах истории человечества. Всякая социальная структура, по словам Ж. Гурвича, может быть определена как «неустойчивое равновесие, непрерывно воссоздающееся благодаря обновляющимся условиям, между множеством иерархий внутри социального явления макросоциологического характера; она представляет лишь сектор или аспект этого явления. Это равновесие множества иерархий подкреплено и спаяно моделями, знаками, символами, социальными ролями, ценностями и идеями, короче говоря, произведениями культуры, свойственными этим структурам». При таком роде подходе открывается возможность сравнительно-исторического и эмпирического изучения тех проблем, которые ранее были исключительным предметом философских рассуждений и моральных сентенций всякого рода. Это наблюдение относится в первую очередь к изучению социальной дифференциации. Дело в том, что разделение общества на классы или страты, которое формирует иерархию престижа и власти, представляет собой практически универсальную черту социальной структуры, которая всегда привлекала к себе внимание философов и социальных мыслителей. Но только благодаря современной социологии она начала становиться предметом критического и аналитического изучения.

Учение о социальной стратификации, будучи создано по аналогии с некоторыми разделами естественных наук (в частности – геологии) было призвано создать универсальную сеть социального деления – от самых крупных до самых мелких его структур. Необходимо отметить, что в настоящее время нет единой социологической теории, которая объясняет полностью природу социального разделения. Социологи прошлого думали, что они открыли законы (главным образом в сфере социальной эволюции), с помощью которых эта задача может быть решена. В настоящее время наука об обществе ставит перед собой гораздо более скромные задачи – выработку четких методов и понятий – для аналитического изучения проблемы, анализ большого сравнительно-исторического материала и классификацию выявленных явлений. В то же время существуют такие общепринятые понятия, как, например, соци-

альная структура, институт, функция, социальный класс, статус, мобильность, бюрократия, которые признаются всеми исследователями и составляют необходимый инструментарий для проведения исследований и в ходе научных дискуссий.

В рамках теории социальной стратификации под «стратой» может пониматься самое разнообразное социальное образование – от «класса» в почти марксистском его понимании до небольшого слоя, группы или даже маргинальной группы, выделяемых по различным критериям, напр., по национальному, половому или возрастному принципу, профессиональной принадлежности или образованию. Теория социальной стратификации, следовательно, в снятом виде включает в себя теорию классового деления, но стремится пойти дальше нее, ставя своей задачей максимальное выявление всех структур, реально существующих в обществе. При этом следует учитывать разграничение современной социологией двух принципиально различных видов социальных образований – социальных групп и так называемых квази-групп.

Социальная группа может быть определена как такое объединение индивидов, в котором существуют определенные отношения между входящими в него индивидами и каждый из них осознает свою принадлежность к группе и ее символы. Иначе говоря, социальная группа должна иметь как минимум установившуюся структуру и организацию (включая сюда правила, ритуалы, нормы поведения и т. д.) и наличие психологической основы сознания ее членов. Семья, деревня, нация, профсоюз, партия представляют собой социальные группы в данном смысле. Квази-группа, напротив, является таким социальным объединением, в котором отсутствует структура или организация и члены которого могут не сознавать или осознавать лишь в небольшой мере свою принадлежность к нему. Социальные классы, статусные группы, половые и возрастные группы, толпы являются примерами подобных квази-групп. Как показывают, однако, эти примеры, границы между группами и квази-группами весьма подвижны и изменчивы: квази-группы могут постепенно превратиться в группы, как, например, классы – приобрести партийную организацию, а феминистическое движение – свою ассоциацию.

Согласно данному подходу классы, поскольку они представляют собой реальное социальное явление, могут быть определены как группы, не являющиеся закрытыми. Их базис несомненно экономический, хотя они представляют собой нечто большее, чем экономические группы. Классы в таком понимании, т. е. как оформившиеся социальные образования, характерны для индустриального общества, развивавшегося в странах Европы примерно с XVII в. Определенные проблемы возникают при определении числа классов, а также изменений в их составе. Большинство социологов признает существование высшего класса (включающего собственников большей части экономических ресурсов общества), рабочего класса (главным образом наемных рабочих) и среднего класса или классов – наиболее размытой группы, в состав которой обычно включают людей либеральных профессий и белые воротнички). Для некоторых обществ признается целесообразным также выделение четвертого класса – крестьянства. Таким образом, деление до классовому признаку позволяет понять некоторые существенно общие тенденции развития социальной структуры.

Одним из основателей теории социальной стратификации в современной социологии признается поэтому К. Маркс, которому принадлежит первая попытка систематического изучения деления общества на классы в соответствии с единым – экономическим критерием. Такой подход к обществу, состоящий в изучении социальных структур и противоречий между ними, оказался весьма перспективным и составил основу всех последующих теорий социальной стратификации. Выдвинутое Марксом понятие «класс» – стало центральным для всей его теории общества и социальных изменений, оказавшись значительным шагом вперед в разработке этих проблем. Хотя современная социология считает понятие «класс» не вполне приемлемым (из-за его абстрактности и невозможности применения в строгом

смысле слова ко всем эпохам за исключением индустриальной), важно подчеркнуть, что большинство новых течений социальной стратификации сформировалось под определенным воздействием марксистского понятийного аппарата или представляет собой по меньшей мере реакцию на него.

Указанное воздействие могло быть только косвенным, а не прямым, поскольку марксизм и современная социологическая теория формировались на основе различных философских традиций, имели различные идейные ориентации и опирались на уровень научной мысли разного времени. С течением времени ортодоксальный марксизм, превратившись из научного учения в политическую идеологию, оказался не способен интегрировать достижения общественных наук своего времени. Стремление отдельных мыслителей, как Бухарин, Лукач, Грамши, найти точки соприкосновения между прогнозами Маркса и действительностью современного мира не получало дальнейшего развития. Особенно негативны были последствия такой ситуации в области теории социальной стратификации, которая строилась на материале общества, принципиально отличного от того, с которым имел дело Маркс. Из этого следует необходимость критической проверки многих положений данного учения с точки зрения их соответствия новому историческому опыту.

Суммируя основные критические возражения относительно марксистской теории классов и современной социологии, можно свести их к следующим принципиальным положениям. Во-первых, эта теория, по мнению большинства западных исследователей, не отражает адекватно реальную структурную дифференциацию в экономической, социальной и политической областях жизни общества, особенно современного. Можно, в частности, констатировать значительно большую, чем мог наблюдать Маркс, структурную дифференциацию современного общества, понять которое нельзя без введения ряда новых параметров социальной стратификации, в том числе для разграничения социальных групп по отношению их к собственности на средства производства, участию в управлении ими, роли в бизнесе, профессиональной специализации, квалификации и т. д., которые непосредственно сказываются на статусе, престиже и благосостоянии индивидов в обществе. Во-вторых, марксистская социология, традиционно сосредотачивая основное внимание на производственных отношениях, имеет тенденцию к преуменьшению значения разнообразных иных структурирующих факторов, имеющих огромное, а иногда и решающее значение, как, например, отношений власти или родства. В-третьих, марксистская теория склонна к преуменьшению различных культурных факторов, играющих большую роль в определении поведения. Между тем сохранение стабильности общества или его изменения во многом зависят от таких факторов, как господствующие ценности, религиозные воззрения, научные идеи, значение которых возрастает, в частности, в условиях научно-технического прогресса, рационализации общества. Данная критика классовой теории исходит, как мы видели, прежде всего из чрезвычайной абстрактности категорий исторического материализма, являющихся скорее продуктом философского синтеза нежели социологического обобщения.

Крупнейший шаг в развитии теории социальной стратификации был сделан М. Вебером, который, стремясь преодолеть априорность философского подхода к обществу, отталкивался от концепции Маркса, а отчасти развивал его взгляды. Вопрос о том, до какой степени можно говорить о преемственности в воззрениях обоих мыслителей, вызвавший большую дискуссию в современной науке, не входит здесь в предмет нашего специального рассмотрения. Ограничимся, поэтому, указанием на тот факт, что основные проблемы теории Маркса – отношение экономики и общества, социальная стратификация и социальный конфликт, природа власти – стали предметом размышлений также и Вебера, а его выводы несомненно в значительной степени можно понять как поиск альтернативы марксистской концепции.

Для подхода Вебера к стратификации характерен поиск более дробной, чем у Маркса, системы их классификации с целью учесть более мелкие социальные деления. Этим объясняется выделение Вебером трех ярусов классификации – социального, экономического и юридического – вместо одного (экономического), причем каждый из них представлял собой особую систему ранжированных группировок. Первый – социальный ярус подразделяется на различные статусные группы, выделение которых происходит в соответствии с их статусом, т. е. степенью уважения и почета, производных от таких факторов, как образ жизни, образование, профессия и т. д. Второй – экономический ярус подразделяется на социальные классы, различающиеся по своей роли в рыночных отношениях, участию в распределении собственности и доходов. Третий – юридический ярус включает различные группы, стратифицирующиеся по своему месту в политической системе и отношению к власти. Положение их при этом определяется двумя предшествующими характеристиками – статусом и экономическим положением. Эти общие принципы веберовской социологической теории позволяют лучше понять его подход к проблеме стратификации.

Если Маркс выделял только один критерий разделения общества – отношение различных его слоев к средствам производства (и, соответственно, участию в распределении материальных благ), то Вебер выделял три таких критерия – класс, статус и власть, которые отнюдь не пересекаются между собой и позволяют составить более детальную картину общественных отношений. Так, история знает социальные слои (классы), пользующиеся благосостоянием (как буржуазия при старом порядке), но не имеющие высшего статуса, престижа и власти, слои, наделенные статусом (например, дворянство), но в меньшей степени располагающие благосостоянием и властью, наконец, такие, которые имеют только один признак – власть (бюрократия), не имея других. С таким триединым подходом к социальной стратификации Веберу удалось в ряде случаев дать более сложную картину социального деления и отношений в обществе, чем его предшественникам. Такой подход давал возможность изучать многие социальные закономерности на микроуровне. В качестве примера можно привести анализ противоречий классов и статусных групп, находящихся выражение в структуре власти и положении бюрократии.

Различие концепций Маркса и Вебера, а также сходные их черты всего отчетливее проявились в понятии «отчуждения», интерпретации конфликта общества и отдельного индивида. Для Маркса при изучении общества важнейшими были отношения собственности на средства производства, для Вебера – отношения власти. В соответствии с этим для первого из указанных мыслителей отчуждение личности от общества является следствием эксплуатации, выражением отделения производителя от средств производства. Для второго оно является следствием отношений власти, выражением рационализации в бюрократизации общества. Как показано в современной социологической литературе, оба подхода, однако, не особенно противоречат друг другу, а скорее взаимодополняемы. Власть, означающая контроль над средствами производства, фактически тождественна с собственностью на них. Эта тенденция прослеживается особенно четко в сверхбюрократизированных обществах новейшего времени.

Власть определяется по Веберу как возможность для группы или индивида осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление ей в обществе. Власть зависит от обладания определенными ресурсами (а точнее правом распоряжаться ими) в рамках существующей социальной организации. Современное государство (бюрократия), все больше монополизирующее функции контроля над экономикой, административным аппаратом и армией, становится доминирующим институтом, оказывающим активное обратное воздействие на процесс социальной стратификации.

Существенным этапом в развитии теории социальной стратификации стал структурно-функциональный подход. Еще Э. Дюркгейм и его школа высказывали идею о том, что

поскольку современное общество имеет сложную и высокодифференцированную систему распределения ролей, разные индивиды побуждаются к их принятию. Общество предписывает группам и отдельным индивидам разнообразные цели, а также средства, которые на законном основании могут использоваться для их достижения. Анализируя функцию стратификации, сторонники данного направления видят в ней механизм, с помощью которого общество стимулирует индивидов к определенной деятельности – достижению разнообразных позиций, необходимых в сложной социальной системе. Широкое разнообразие позиций предполагает наличие индивидов, различных по уму, образованию, физическим качествам и т. п. Развитие общества в том или ином направлении предусматривает своего рода отбор людей определенного типа, установление большего соответствия их качествами и характером деятельности. Подобное воздействие общества на индивида с целью побуждения его к определенной деятельности является источником не одних только позитивных изменений, но и аномии – отчуждения в терминологии Дюркгейма.

Функция стратификации, согласно такому подходу, состоит в том, что она наступает как система распределения ролей. Из этого следует, что главный признак работающей социальной системы состоит в наличии относительно стабильной иерархий социальных рангов. Структурно-функциональная теория, основная заслуга в разработке которой принадлежит Т. Парсонсу, играет большую роль в объяснении стратификации. Она исходит из того, что всякий социальный статус предполагает не одну, а целый ряд возможных ролей. В результате возникает допустимость таких социальных отношений, в которые индивиды втягиваются просто потому, что имеют определенный социальный статус. Так, человек, имеющий статус чиновника – начальника или подчиненного по отношению соответственно своих выше или ниже стоящих собратьев, может играть многие другие роли в отношении своих коллег по работе, обслуживающего персонала и т. д.

Соответствие места в социальной стратификации (статуса) и функций не является, таким образом, совершенно однозначно детерминированным. С этой точки зрения весьма важен вклад в структурно-функциональную теории Р. Мертона, введшего понятие «дисфункция». Сама постановка данной проблемы вызвала оживленный обмен мнениями в социологической литературе, причем Парсонс отмечал позитивность такого подхода к изучению общества, хотя и считая его лишь частным случаем своей теории. Он полагал, что наука должна изучать в принципе нормальное функционирование социального организма, учитывая одновременно возможность патологических отклонений. «Дисфункция» как раз и оказывалась такой патологией в развитии общества. Мертон обратил внимание на то, что при определенных условиях воздействие социальных структур на индивида ведет скорее не к общепринятому, а наоборот – отклоняющемуся поведению. Отсюда различные типы приспособления индивида к обществу, главными из которых являются конформизм и неконформизм. Несоответствие места в социальной структуре и выполняемых функций, расхождение между средствами и целями их достижения (возникающее, как правило, в изменяющихся условиях) ведет к появлению дисфункции.

Всякая стратификация предполагает дифференцированную оценку и ранжирование групп в соответствии с какой-либо шкалой ценностей. Во многих случаях стратификация отражает развитие одного критерия ранжирования (богатство, власть, профессия). Однако эти одномерные типы стратификации имеют наибольшее значение для относительно простых социальных структур. По мере того, как социологи стали уделять внимание обществу в целом, сложным социальным образованиям, стремиться установить взаимосвязь различных показателей, было обнаружено, что система стратификации должна разработать многомерный подход, позволяющий делить общество на широкие социально-культурные группы различного уровня, напр., классы, статусные группы, каста и т. д. Стало ясно, что подход Вебера и ряда других крупных ученых начала XX в. к социальной стратификации (в част-

ности, веберовская троичная модель признаков) не исчерпывает всех потенциальных возможностей данного метода. Современная социология исходит поэтому из необходимости такого многомерного подхода к стратификации, при котором учитывались бы все значимые признаки социальной дифференциации. Понятно, что значимость тех или иных признаков во многом вытекает из общей позиции того или иного исследователя, того, как представляет он роль данного фактора в функционировании общества. Отсюда преимущественная направленность конкретных исследований на экономические, социальные, биологические или какие-либо другие направления стратификации.

В то же время необходимо признать известную правоту тех исследователей, которые считают, что уже сама возможность проведения стратификации по какому-либо признаку, даже самому незначительному (например, цвету волос, наличию или отсутствию веснушек и т. п.), может оказаться информативной при нетрадиционном повороте темы исследования и, тем самым, доказывает свое право на существование. Кроме того, в современной социологической теории показано значение ценностного подхода в социальной стратификации – измерения престижа и его распределения среди различных групп в обществе. Престиж определяется при этом как результат совместного действия двух факторов – системы ценностей и функционального значения ролей, воплощенных в структуре занятости населения.

Имея всеобщий характер, метод стратификации может быть применен как к современному, так и к любому из прошедших обществ. С теоретической точки зрения может быть обосновано любое подразделение, исходящее из наличия в обществе определенных независимых функций и соответствующих им социальных явлений. Руководствуясь таким подходом, Б. Барбер выделял следующие основные измерения (или параметры) теории социальной стратификации: власть, престиж знания, богатство, образование и знания, религиозная принадлежность, семья и позиция в этнической группе.

Особое значение имеют те параметры социальной стратификации, которые позволяют установить некоторые тенденции ее изменения. Так, стратификация по величине дохода или богатства дает возможность понять, какие роли в обществе открывают большие возможности для обогащения, каков, следовательно, тот способ действия и социальный облик, которые необходимы при данной системе отношений для преуспевания. С другой стороны, открывается перспектива изучения влияния богатства на положение в обществе, в частности социальную мобильность индивидов, которые за деньги приобретают образование, титулы, должности, а иногда – выгодные матримониальные связи.

Как показано в работах по социальной стратификации, она может приобрести либо пирамидальную, либо ромбовидную форму с разной степенью выраженности пиков в обоих случаях. В целом, отмечал Б. Барбер, западное общество эволюционирует от более пирамидального к более ромбовидному типу стратификационной структуры по доходу и богатству, хотя даже при новой форме сохраняется значительная пикообразность, пожалуй, не меньшая, чем раньше. При изучении формальных организаций, в частности бюрократии, данное направление стратификации позволяет проследить имущественную дифференциацию входящих в нее слоев, сделать выводы о корреляции должности в административном аппарате и степени богатства, способах обогащения. Как показывают наблюдения, между двумя факторами существует тесная взаимосвязь, которая впрочем менялась с течением времени: богатство способствовало проникновению в административный аппарат, т. е. непосредственно влияло на характер социальной мобильности и, наоборот, получение определенных должностей – ролей в управлении и связанная с ними власть открывали путь для обогащения как законными, так и незаконными путями.

Такое направление социальной стратификации как престиж профессий дает возможность установить, как само общество определяет степень значимости того функционального вклада, который вносит данный род деятельности. Примером может служить само измене-

ние значимости (престижности) таких профессий, как военная, религиозная, бюрократическая и более новых – коммерческой, промышленной, научной. В соответствии с этим менялось основное направление социальной мобильности, которая в настоящее время все больше осуществляется, например, через науку и образование, ведет к появлению меритократии. Анализ удельного престижа той или иной профессии, а для более ранних эпох точнее сказать – рода деятельности, позволяет объяснить, в частности, многие особенности их взаимного отношения и иерархии. Мы увидим, в частности, каким образом большая престижность военных должностей перед гражданскими в эпоху абсолютизма влияла на процесс рекрутирования армии (из привилегированного сословия дворян) и бюрократии (из менее привилегированных слоев общества, разночинцев и т. п.). Престиж должности или чина определяет статус его владельца в обществе, заинтересованность его членов в приобретении данного статуса. Особое значение в этой перспективе приобретают должности, дающие радикальное, качественное изменение статуса, например, переход в более привилегированный социальный слой. Достаточно вспомнить в связи с этим процесс анноблирования буржуазии.

Ранжирование по признакам религиозной принадлежности или чистоты, этническим и родственным группам имеет особое значение при изучении традиционалистских обществ, где эти факторы играют весьма заметную роль во всех социальных процессах. До сих пор влияние этих факторов сказывается в развивающихся странах в структуре власти, характере мобильности, сохранении ряда традиционных пережитков и т. д. Постепенное вытеснение этих норм из деятельности государственного аппарата, формализация его структур, процедур и функций становится важным признаком рационализации и бюрократизации управления.

Стратификация по уровню образования и знаний (особенно профессиональных) служит важным признаком, позволяющим установить роль науки в жизни общества. Роль научно-технической революции необыкновенно повышает значение интеллектуальной элиты в развитии общества. Процесс этот идет по нарастающей линии, и некоторые ученые предсказывают даже господствующее положение интеллигенции в будущем. Во всяком случае такие процессы, как рост среднего класса или революция менеджеров могут быть объяснены лишь с учетом возросшей роли науки как производительной силы и, соответственно, увеличения числа людей свободных профессий. Роль образования как фактора социальной мобильности можно проследить главным образом, начиная с нового времени. Но и до этого во многих странах существовала практика привлечения на государственную службу способных людей из низших социальных слоев.

Особенно важно остановиться подробнее на таком аспекте социальной стратификации как власть. Данный признак действительно является центральным для понимания всей социальной системы и характера ее управления, а корреляция его с другими признаками дает возможность установить существенные тенденции социальной эволюции. Некоторые социологи вообще подходили к стратификации как к простому различию между политически господствующими группами и массами – правящим меньшинством и политически зависимым большинством. Главный теоретический вклад Г. Моски, Р. Михелса и В. Парето усматривается в определении процесса изменения классовой структуры и связанных с ним характерных черт доминирующих групп. Власть по Веберу может быть определена как способность достижения целей в социальной системе, независимо от сопротивления ей. Власть в этом смысле очевидно функциональна для всех социальных систем как больших, так и малых, а также для всех типов общества. С точки зрения структурно-функциональной теории все роли в социальной системе подразделяются в соответствии с тем, как распределяется власть между ними. На этой основе становится возможной стратификация структуры власти. Власть, законная или незаконная, имеет в обществе источник своего функционирования. Степень разделения труда и специализации в обществе будет воздействовать на типическое

распределение рангов, существующих в нем. Когда власть действует согласно с чувствами других актеров в социальной системе, она воспринимается как законная, когда против их моральных убеждений – как незаконная. Отсюда понятие легитимности (законности) власти, введенное еще Вебером и играющее большую роль в изучении механизма управления. На этом основано, в частности, разделение таких понятий, как власть и могущество. Под первой (властью) понимается иногда только законная способность к достижению целей в обществе, под вторым (могуществом) – незаконное подобие власти. Так, демократически избранное правительство, опирающееся на законы страны, имеет власть, а главарь преступной шайки – только могущество.

Стратификация власти объясняет очень многое как в механизме ее функционирования, так и в ее исторической эволюции, показывая последовательную смену определенных моделей организации управления обществом.

При разработке проблем социальной стратификации особое значение имеет вопрос о том, какой признак или признаки должны быть положены в основу классификации социальных явлений. В настоящее время большинство социологов стоит на той точке зрения, что построить действительно полезную классификацию едва ли можно на базе одного критерия, который будет отвечать всем требованиям. Ясно, что классификационные схемы, предлагавшиеся социологами прошлого и исходившие из возможности объяснить всю эволюцию общества развитием в нем какого-либо одного начала (экономика, рост народонаселения, борьба рас и т. п.), должны быть по меньшей мере дополнены многими другими классификационными признаками. Особенно важно отметить это для современного развитого индустриального общества, для которого характерна относительная автономность экономических, социальных и политических институтов, а одни и те же процессы по-разному проявляются на различных уровнях социальной системы. В связи с этим в литературе подробно обсуждаются проблемы понятийного аппарата, причем основное внимание уделяется разработке универсальных понятий, годных для объяснения социальных явлений на различных этапах их развития с учетом специфики и зрелости этих явлений. Формализация понятий идет по линии их структурного и функционального подразделения. Путь к этому – изучение корреляции различных стратификационных рядов.

Корреляция рядов ранжирования различается по полноте и характеру. Системы стратификации могут быть все высоко коррелируемы друг с другом (т. е. обладать совместно высоким, средним или низким уровнем рангов) или обладать меньшей коррелируемостью, когда некоторые из них обладают высоким, другие – средним, а третьи – низким рангом. По характеру корреляция признаков может быть позитивной и негативной. Позитивной является такая корреляция, при которой с развитием одного признака развивается другой, негативной – такая, при которой с развитием одного признака, другой, наоборот, убывает. Недостаточная корреляция рангов порождает несоответствие статусов, которое, в свою очередь является важнейшим источником социальных напряжений и конфликтов. Несоответствие статусов порождает тенденцию к их уравниванию, т. е. к более высокой корреляции положения индивидов. Отсюда борьба статусных групп. Кроме того, несоответствие статусов находит выражение в типах поведения, отличных от традиционно имевших место, что ведет к дестабилизации системы. Различны и последствия для общества указанных ситуаций. Согласованность статусов может вести к стагнации системы или ее гармонии. Несогласованность статусов может вести к конфликту или ее динамичному (через разрешение противоречий) развитию.

* * *

В современной социологической науке объяснение принципов рациональной организации общества, а в связи с этим и того *социального слоя* – *бюрократии*, который является ее носителем и наиболее законченным выражением, является одной из важнейших проблем.

Бюрократия представляет собой именно тот социальный слой, от которого в первую очередь зависит реализация функций управления обществом. Хотим мы того или нет, бюрократия есть следствие социального разделения труда – на управляющих и управляемых, а потому существует повсеместно там, где есть необходимость в организации человеческой деятельности, использовании управленческого труда. Бюрократия предстает, следовательно, как межформационное явление, развитие которого во многом совпадает с развитием государства. Это не значит, конечно, что на всем протяжении своего существования данный социальный слой остается совершенно неизменным: специалисты выделяют в его развитии ряд основных этапов, связанных с характером организации бюрократии, которая может носить традиционный (или патримониальный) или же рациональный характер. Как показал Макс Вебер, впервые всесторонне рассмотревший данную проблему, существенными чертами каждого из типов бюрократической администрации являются специализация, дифференциация, иерархия, целевая ориентация, секуляризация (степень независимости от церкви) и ряд других, свидетельствующих о степени рациональности их организации. Данный подход предполагает анализ таких характерных черт всякой формальной организации как четкое разделение труда с соответствующей специализацией; иерархическая структура власти – позиции и должности, связанные с определенной сферой компетенции и ответственности за принятие решений; система правил и инструкций; существование административного штата, обеспечивающего функционирование аппарата, низший уровень которого составляют канцелярские служащие, ответственные за ведение письменной документации; социальная дифференциация и, наконец, принципы продвижения по службе. Интересно проследить формирование этих черт на переломной этапе – при переходе от традиционных форм организации аппарата управления к новым – рациональным. При такой постановке проблемы целесообразно обращение к специальному сравнительно-историческому осмыслению опыта ряда крупнейших реформ прошлого, как на Западе, так и на Востоке, причем безотносительно ко времени их проведения. Такой подход может показаться спорным историку-эмпирику, ум которого нацелен на выявление единичных, уникальных и неповторимых событий и явлений прошлого. Однако, с точки зрения социолога, стремящегося за внешним многообразием событий увидеть их закономерность, он представляется вполне оправданным теоретически. Действительно, можно ли говорить о наличии в мировой истории ряда типологически сходных ситуаций, когда бюрократия из традиционной превращается в рациональную, становится, так сказать, из социальной группы в себе социальной группой для себя, своего рода кастой или сословием, права и привилегии которого в обществе закрепляются законодательно?

Главный вопрос всякой реформы (как и революции) есть вопрос о власти, изменении ее социальной природы, организации, функций. Современная наука об обществе не выработала, несмотря на обилие определений и понятий, единой теории власти. Такой концепции власти нет, как ни странно, и в правовой науке, которая постоянно использует данное понятие и строит на нем многие свои выводы. «Все первичные юридические явления, – говорит по этому поводу Х. Карбонье, – имеют общую субстанцию, состоящую в том, что это – явления, связанные с властью. Политическая социология приложила немало усилий для ответа на вопрос, что такое власть. Тем не менее в конечном итоге это понятие не поддается

определению, подобно тому, как это происходит с понятием электричества. Однако наука об электричестве способна развиваться и без предварительной его дефиниции».

Исходя из этого, вполне логично обращение исследователей к таким аспектам власти, которые, благодаря свойственному праву формализму, материализованы в нем и имеют внешнюю форму. На это обстоятельство обратили внимание корифеи социологической науки прошлого века – Спенсер, Дюркгейм, Ковалевский, выведившие социологические обобщения из сравнительного изучения однотипных правовых норм. Отсюда был лишь один шаг к социологии права Вебера, заложившего основы ряда важнейших концепций современной науки об обществе. Можно сказать, что все творчество Вебера в той или иной степени имеет широкую правовую основу. Исходя из методов позитивной науки (получивших философское обоснование у Дильтея и Риккерта), Вебер противопоставлял догматической юриспруденции (с ее моральными оценками правовых норм) социологию права как эмпирическую дисциплину, рассматривающую правовые явления вне их эволюции и не стремящуюся давать им этических оценок. При объяснении права Вебер применял к нему свои взгляды на социальные отношения (принцип каузального взаимоотношения), структуры (рационализация) и ценности (целевая ориентация индивида). В соответствии с этими общими установками разрабатывались далее центральные идеи социологии права, в частности – концепция формальной правовой легитимности. Социология права, власти и лидерства обязана Веберу описанием этих принципов легитимности, их общей структуры и главных типов.

Основными достоинствами теории идеальных типов Вебера являются: возможность обобщения данных социолога в некоторую мыслительную конструкцию; синтез наблюдений, дающий возможность их логически значимого осмысления; выявление общности, сходства явлений, говорящих о закономерном (или во всяком случае типичном) их характере; наконец, информативность теории при изучении элементов социальных структур. Все указанные позитивные черты веберовской идеальной типологии особенно хорошо работают при анализе как раз тех социальных структур, институтов и процедур, которые являются проявлением процесса рационализации или даже его выражением. К их числу относится в первую очередь бюрократия, веберовская концепция которой остается достижением современной науки, несмотря на многочисленные попытки ее критики, уточнений и исправлений.

Если суммировать основные критические замечания различных школ в адрес социологии Вебера вообще и концепции бюрократии, в частности, то их можно свести к нескольким основным тезисам. По мнению ряда ученых, Вебер, ставя в центр внимания функциональную полезность данного социального слоя (бюрократии), меньше внимания уделял операционному аспекту, т. е. характеру деятельности бюрократии, что помешало ему раскрыть развитие и взаимодействие внутренних структур. Другие исследователи подчеркивали тот факт, что у Вебера недостаточное внимание уделяется дисфункциональному аспекту и в результате допускается преувеличение рационализирующей природы бюрократии. На самой деле, полагали они, бюрократия – это не только инструмент рационализации общества, но и сила консервативного свойства, она может выступать не только за, но и против процесса поступательного развития общества в направлении к рациональной организации. Кроме того, ряд специалистов обращал внимание на то, что известное преувеличение формальных структурных черт бюрократии приводило Вебера к недооценке поведенческого аспекта деятельности чиновничества, в частности в контексте социально-культурного и персонального компонентов. Социологи-эмпирики указывали также на трудность применения веберовской модели на микроуровне исследования. Нам представляется (в это признают многие ученые), что высказанные замечания носят скорее характер дополнения и, во всяком случае, не подрывают основного тезиса веберовской концепции бюрократии.

Наиболее существенным дополнением, особенно важным для сравнительно-исторического изучения бюрократии, является тезис Парсонса, получивший развитие в трудах мно-

гих других исследователей, о необходимости сочетания структурного и функционального подхода к анализу административной организации. Структурно-функциональная модель процессов рационализации в бюрократизации дает возможность представить их более объемно, а следовательно, лучше понять характер тех изменений институтов и процедур управления, которые происходят в результате административных реформ.

К структурному функционализму близко подходят теории французского социолога М. Крозье, попытавшегося соединить функциональный подход с историко-генетическим за счет выдвижения на первый план проблематики социального изменения. В своих основных трудах – «Феномен бюрократии» и «Блокированное общество» этот ученый рассматривает отношения бюрократии и общества с точки зрения теории формальных организаций, в связи с чем предметом его специального анализа становятся действия различных социальных групп, распределение власти, динамика этих процессов в ходе изменения институтов и процедур административного аппарата. Хотя Крозье делает свои выводы на материале больших организаций современной эпохи (которые он справедливо считает фундаментальным явлением современного мира), многие из них имеют общесоциологический характер и могут быть применены к предшествующим периодам истории. Так, весьма интересным представляется наблюдение о том, что бюрократический феномен может успешно рассматриваться с точки зрения социологии организаций, что дает возможность соотносить такие процессы, как рост административного аппарата и параллельно – бюрократии, в исторической перспективе. Главная проблема этой социологии, справедливо говорит Крозье, над которой трудились социологи от Маккиавелли до Маркса и которая до сих пор вызывает споры, – это вопрос о власти, условиях ее приобретения, удержания и распределения. Власть в самом общем виде может быть определена как способность одного человека заставить действовать другого согласно своей воле. Власть, далее, дает возможность унификации и рационализации управления, его централизации. Данная тенденция в истории проявляется в бюрократической организации, которая может быть различной, проходя с течением времени различные фазы своей формализации. Безликая бюрократия современности – есть, в соответствии с такой интерпретацией, не что иное как ответ организаций (административных институтов) на поставленные жизнью запросы. Склоняясь далее к функциональному и процессуальному решению проблем, Крозье приходит к интересному наблюдению: «Бюрократическая организация, – говорит он, – это организация, которая не способна исправлять допущенные ошибки».

Применение структурно-функционального подхода к изучению бюрократической администрации дает возможность более четко определить степень ее зрелости и завершенность (приближенности, к рациональному идеалу) в каждую данную эпоху. Критериями оценок при этом могут служить такие параметры как дифференциация состава аппарата в социальном и материальном отношениях, распределение ролей, составляющее основу конфликтов. Изучение типологии конфликтов в бюрократической среде в свою очередь позволяет раскрыть инфраструктуру организации, отношения различных уровней бюрократии друг с другой (в рамках одного страта) и с вышестоящим начальством, а также подчиненными. Социальный контроль вводит эту борьбу в определенные рамки, сообщает ей так сказать определенные правила игры, но не может устранить ее полностью. При наличии различных (и меняющиеся с течением времени) условий игры (позиции сторон, их положение в иерархии, возможности, условия субординации и т. д.) суть конфликта на всем протяжении развития бюрократии одна – борьба за власть, перераспределение ее в соответствии с новой расстановкой сил.

Будучи строго формализованной и иерархической организацией, бюрократия (по крайней мере в идеале) стремится ликвидировать все неформальные контакты внутри себя самой и с обществом. Отсюда постоянное нарастание дифференциации различных уровней

– принятия решений, информации, характера работы и т. д., отражающееся в распределении нагрузок, эффективности и производительности труда бюрократии. Усложнение инфраструктуры бюрократии идет не обособленно от остальной части общества, а в тесном взаимодействии с ним. Взаимодействие это может быть конфликтным или бесконфликтным в зависимости от того, совпадают или нет интересы управляющих или управляемых. В периоды крупных административных реформ бюрократия стремится активно воздействовать на общество в плане его модернизации и рационализации. Но в целом, в ходе административной эволюции, бюрократия развивается параллельно с обществом, испытывая воздействие основных социальных процессов, которое проявляется в критических ситуациях в соперничестве различных «групп давления» – правых, левых и умеренных, причем подразделение это является по-видимому общим свойством всякой бюрократической организации на стадии изменения. Будучи социально изолированным (закрытым) слоем, бюрократия представляет собой нечто единое, определенный социальный слой, постепенно осознающий с течением времени свою силу и реальные интересы.

В связи с этим необходимо оговорить наше собственное понимание изучаемого явления.

В современной общественной мысли и научной литературе можно констатировать наличие трех пониманий бюрократии. Первое, вульгарное, находящееся на уровне обыденного понимания, связывает бюрократию с бюрократизмом в смысле волокиты, рутины и пр., т. е. дает ей однозначно негативную оценку. Другое понимание бюрократии, идущее от правовой науки прошлого, подспудно исходит из того, что бюрократию можно отождествить с государственным аппаратом – правлением бюро, канцелярий и ведомств, в состав которых входят целиком зависящие от суверенной власти, иерархически организованные и назначаемые сверху функционеры. Бюрократическая власть в этом смысле означает правление на основании порядка, установленного сверху, законов и инструкций, но без участия народа. В данном смысле бюрократия (как и вообще администрация) отождествляется с абсолютизмом, которому противостоит конституционное (сословно-представительное или народное) правление через парламент. Наконец третье понимание бюрократии, соответствующее тому, которое выдвинул Вебер и которое положено в основу настоящего исследования, состоит в том, что бюрократизация – это рационализация всей общественной (но прежде всего административной) деятельности, проявляющаяся в чрезмерной концентрации власти, развитии деперсонифицированных отношений путем более четкого распределения функций и обязанностей, приспособления карьер, использования других дегуманизирующих средств – унификации мышления, пресечения личных контактов на службе, подмены подлинных авторитетов мнимыми (бюрократическими), установление различий в доступе к информации и т. д. Понятно, что такая система сложилась не сразу, прошла периоды своего становления, консолидации, развития, совпадающие, как правило, с реформами административного аппарата, но нельзя думать, что ее совершенствование имеет границы. Теоретически бюрократия может развиваться беспрестанно и даже утопическое тоталитарное государство Дж. Оруэлла не является его законченной стадией. Вебер был один из тех, кто указал на эту опасность и искал выход из положения.

Представляя бюрократию как самостоятельный социальный слой, обслуживающий функцию управления, попытаемся раскрыть характер его эволюции от традиционных установлений к рациональным обращая внимание в первую очередь на изменения в результате реформ административного аппарата. Как отмечал еще Вебер, Египет эпохи Нового царства еще за 1500 лет до Христа создал «историческую модель всех последующих бюрократий». Действительно, управлять и составлять документы в древнем Египте было синонимами: любой чиновник был грамотеем, писцом. Таким образом, уже на начальной стадии развития бюрократии встречаем известное соотношение власти, управления и делопроизводства,

воплощенные в классическом примере египетского чиновника – писца. Процесс развития бюрократии в Египте не был линейным, проходил различные стадии, начиная с Древнего царства.

Архаический характер названий должностей, их обилие и совмещение в одних руках не должны вводить в заблуждение: бюрократия, хотя, разумеется традиционная, непосредственно выросшая из управления дворцовым ведомством, существовала в Египте с ранних времен. Доступ к службе был открыт главным образом для представителей знати, однако бюрократия не была закрытым слоем, в нее могли входить представители других сословий. Таким образом, правящий класс мог пополняться за счет выслужившихся чиновников, прошедших определенный путь от должности к чину.

Одним из общих характерных признаков бюрократии в обществах традиционного типа является ее кастовость: чины (а как правило и связанные с ними должности) распределяются и перераспределяются в рамках узкой социальной группы, члены которой часто связаны родственными узами. Наследственность чинов превращает их в собственность определенного дома или рода, монополизирующего выполнение известных административных функций. Генеалогия высших функционеров Египта, насколько вообще позволяют судить данные, дает возможность констатировать замкнутость и кастовость высших (а в ряде отношений – средних и низших) эшелонов бюрократии. Характеризуя администрацию Нового царства, особенно в период правления Эхнатона, некоторые ученые, однако, констатируют наличие здесь наряду с аристократией и наследственность должностей, существование института «меритократии» – выдвижения чиновников за заслуги или выслугу, причем некоторые из них (хотя и в очень редких случаях) могла происходить даже из крестьянского сословия... Наличие частичной мобильности на низших уровнях и прежде всего в переломные эпохи административных реформ не отрицает главного вывода о закрытости египетской бюрократии.

Византийская бюрократия представляет собой другой пример гражданской службы, положение и привилегии которой в обществе непрерывно возрастали. Возникнув как и всякая другая бюрократическая служба из необходимости управления государственным хозяйством, бюрократия в Византии постепенно отслоилась от правящего класса, стала сама его специфической частью, а затем – особым сословием общества. Особенность византийской бюрократии ее открытость, обусловленная принципом всеобщей сменяемости чиновников, что вело к высокому уровню социальной мобильности. В этом состоит коренное отличие бюрократии Византии от той, которая существовала в странах Западной Европы: оно носило как количественный, так и качественный характер, поскольку имперские чиновники были не личными слугами монарха, а представителями публичной администрации, а их назначение и смещение регулировалось особыми процедурами и законодательными актами.

Традиционные черты византийской администрации – нерасчлененность функций и компетенции различных ведомств, канцелярий и чиновников, коррупция и кормление от дел, на которые власти смотрели сквозь пальцы, – мешали рациональному развитию бюрократии, решающую роль в функционировании которой играли на всех уровнях личные (а не служебные) связи. Со временем, когда бюрократическая система Византии стала совершенно косной, мобильность чиновничества резко упала, начал идти процесс возвращения к традиционным институтам, усилился личный характер власти. Постепенно образовалась новая чиновничья аристократия, делавшая свою карьеру на близости к императорскому двору. Кроме того, в элиту входила финансово-торговая верхушка, для представителей которой путь к власти открывали деньги. Широкая практика пожалования в чины, продажи должностей увеличивала и без того высокую инфляцию почестей.

Наиболее сильно традиционные черты административной организации проявляются в империях Востока, где они наложили отпечаток на облик и функционирование бюрократии.

Так, в империи Великих Моголов, где в результате реформ Акбара было создано мощное государство, бюрократия впервые получила четкое подразделение (систем мансабдарства) по чинам (мансабам), а различные виды службы (военная и гражданская) приравнивались друг к другу. В то же время, несмотря на стройность этой системы, знавшей даже функциональное подразделение властей, четкую и систематическую иерархию должностей, ротацию чиновничества, были весьма сильны традиционные установления.

Серьезный удар по традиционной организации общества нанесли реформы Акбара, когда весь государственный аппарат был перестроен по военному образцу, причем четках различий между личными слугами государя и государственными чиновниками не проводилось. В результате введения в 1574 г. Табели о чинах (или система мансабдарства) в подразделениях всего чиновничьего аппарата по 33 рангам военные и гражданские должности были выведены из-под влияния кастового строя, хотя действие его сохранялось на всем протяжении существования империи.

Перестройка самого правящего класса представляет значительные трудности для реформаторов, когда дело идет об изменении руководящих принципов организаций, а не только о так называемых «косметических», т. е. частичных, мелких нововведениях. В этом отношении перспективным представляется наблюдение над механизмами социального регулирования, которые выполняли система каст в Индии, а отчасти в Египте, социальная организация Инков, основанная на общинном делении, система местничества в России, базировавшаяся на иерархии родственных отношений.

Данные традиционалистские системы социального (прежде всего административного) регулирования имели своим коренным пороком то, что тормозили, а то и вовсе исключали (как касты) социальную мобильность, обрекая государственность на стагнацию. При такой организации власти выдвижение новых людей в аппарат управления не могло иметь систематического характера, а зависело от случайных соображений. К их числу относятся война, фаворитизм, уникальные способности или необычные обстоятельства.

Так в империи Инков, когда в ходе гражданской войны элита была практически полностью уничтожена одним из претендентов (Атахуальпой), в затем повторно – испанцами, социальная мобильность резко возрастала. Имея более открытый характер, нежели другие, элита империи Инков находилась, однако, в исключительно привилегированном положении. Ее члены, в отличие от остальной массы населения, обладали правом не только на коллективную, но и на частную собственность, которая имела форму пожалований со стороны Инки за службу и выражалась в предоставлении чиновникам земель, жен, одежд, ценных изделий, лам и пр. атрибутов привилегированного статуса. Со временем, когда административная власть стала даваться не только родственникам Инки, но и талантливым представителям знати, они стали получать высокие чины в провинциальной администрации за выслугу и достижения по службе, однако никогда не достигали уровня родственников государя. Тот факт, что в основе социального регулирования, распределения материальных благ, статуса и престижа представителей олигархии лежали родственные связи различных кланов, показывают историко-антропологические исследования мифологии рассматриваемого общества по методу К. Леви-Стросса. Аналогичные исследования предпринимались по кастовому строю, где их основой служили свидетельства законов Ману и мифологии индусов.

В империях Востока бюрократическая администрация вырастала объективным путем из сложной системы дворцового управления и была генетически связана с ней. Мы видели, как соотносились чины и должности в Египте, Византии, империях Великого Могола и Инков. Более жесткую градацию чиновного деления находим в Китае, где уже в ранний период происходит консолидация бюрократии на базе сближения дворцового, гражданского и военного управлений. Характерна при этом структура власти в Северном Китае в период «пяти династий». Бюрократия этого времени (X – XII вв.) была, конечно, вполне тради-

ционалистской: имел место личный характер власти, а должности руководителей ведущих ведомств при дворе и в армии предоставлялись либо родственникам императора, либо его доверенным лицам. Примечательно, что политическая деятельность не зависела прямо от военной карьеры: правильнее было бы сказать, что контроль над армейскими подразделениями со стороны тех или иных деятелей зависел от их статуса при дворе и именно этот статус давал им политическую власть.

Одним из признаков традиционного характера является то, что вообще власть придворных (а особенно такой специфической группы как евнухи) была очень велика. Как в центре, так и на местах существовала четкая градация (или Табель) возможных рангов, в соответствии с которой распределялись придворные должности. Эти должности носили, впрочем, скорее придворный или церемониальный характер, чем были бюрократическими в собственном смысле слова. В то же время существовало функциональное подразделение должностей по ведомствам – финансовому, охраны и другим, важным для провинциального управления. Существовал, кроме того, императорский секретариат, где были сосредоточены важнейшие административные функции, исполнение которых возлагалось на глав бюрократических ведомств – министров.

Пример Китая хорошо показывает возможность рационализации и бюрократизации аппарата управления даже в рамках традиционной организации власти. На случайно китайская бюрократия с самых ранних времен имела строгую систему чиновного деления, выражавшуюся в своеобразной Табели о рангах, созданной еще до нашей эры. Уже в этот период (эпоха Шан-Инь, Чжоу и Цинь), наряду с аристократией, занимавшей ведущие посты, появляется все больше представителей новой знати. Если первоначально правителями областей были родовитые сановники, например, наследственные цины, то к концу Чжоу появляются влиятельные чиновники из низших слоев населения (в том числе торговцев, ремесленников и пр.). Рационализация управления на традиционной основе привела к появлению в Китае разработанной системы мандарината – едва ли не наиболее дифференцированной системы административного регулирования самого аппарата управления.

Особое место в изучении проблем организации бюрократии занимает исламская традиция административных реформ, представленная прежде всего институтами Османской империи. Это было, используя веберовскую терминологию, патримониальное государство, характерной чертой которого являлось сильное сопротивление зарождению социальных классов и сословий, наличие служилой бюрократии (первоначально, как и везде – писцов). То же подтверждает анализ всей административной машины во главе с султаном – главой всей духовной и светской власти, освященной традицией и обычаем. В Османской империи существовало три основных вида службы: военная (сейфие), бюрократическая (калемие) и духовная (илыимие). Это разделение, конечно, условное, поскольку не существовало четкого разграничения военных, административных и религиозных функций государства – они тесно переплетались и дополняли друг друга. Следует подчеркнуть, что в этом – коренное отличие османского государства, к примеру, от европейского. Однако «люди пера», как можно назвать профессиональных бюрократов, до XVIII в. редко занимали пост губернатора провинции или санджака – это была «монополия» военных. Тем не менее с конца XVII в. большое число профессиональных бюрократов появляется в избранном кругу пашей. По-видимому, это было отражением соперничества между бюрократией и военными, а также растущей профессионализации государственного аппарата.

В Турции, как и в Византии, существовала специальная организация социальной мобильности в управленческом аппарате: каждый год производилось переутверждение всех высших чиновников государства, чаще всего сохранявшее их на прежнем месте, но иногда сопровождавшееся их повышением или понижением в должности. Это был отработанный механизм рекрутирования и одновременно контроля высшей администрации со стороны

султана и его аппарата, существовавшей длительное время. Данный механизм служил и другим целям. Система годичных назначений служила своего рода катапультой, забрасывающей представителей бюрократии в правящую элиту, а кроме того – средством перераспределения материальных благ. Указанная тенденция выражалась в существенной дифференциации окладов представителей высшей и низшей категорий бюрократии.

В отличие от элиты, которая в деспотическом государстве всегда была нестабильна и не имела четких принципов комплектования, средние и низшие слои бюрократии постепенно приобретали более определенный облик, начиная соответствовать своему функциональному назначению. В рамках патриархальной организации бюрократия стала приобретать черты обособленного социального слоя – гильдии или цеха, члены которого были связаны между собой служебной дисциплиной, устойчивой иерархией, этикой и пр. В результате уже в недрах традиционной организации власти появляется организация нового типа, которая постепенно оказывается сильнее, чем породившая ее предшествующая административная система.

Социальная стратификация феодального общества Японии, при всей ее специфике, позволяет установить ряд сходных черт формирования бюрократии.

Как показал японский историк К. Ямамура, уже сразу после установления режима Токугава самураи из военных стали превращаться в бюрократию, а основным источником их дохода (как и дворянства), стала государственная служба. По своему социальному положению самураи находились между придворной аристократией (дайме), представители которой занимали примерно 60 высших постов, и остальной служилой массой государева двора. Эти несколько тысяч самураев были резервуаром и костяком офицерского корпуса в армии и бюрократии в госаппарате, структура и функции которых были четко установлены в 1660 г.

Общая структура сословия самураев была следующей: они условно могут быть подразделены на три основных категории – высших, средних и низших, а более детальное деление хотя и существовало, на практике было не вполне четким и мало способствует классификации в современных научных трудах. Экономическая и социальная стратификация как бы сливались, переходили друг в друга, хотя в основе обоих лежали различные принципы, лишь на время примиряемые в рамках местничества и служилых отношений.

При переходе от традиционного к бюрократическому режиму важную роль играет социальная мобильность. Для японского общества эпохи сегуната, где социальные перегородки между классами и внутри них были очень велики, мобильность не могла дать быстрых и заметных результатов без преодоления традиционных ограничений. Самурайство, как и другие сословные группы, не могло достичь высоких темпов мобильности, более того, в течение первых двух столетий существования режима Токугава вертикальная мобильность не только не возрастала, но уменьшалась. Экономическая мобильность также практически отсутствовала (ибо зависела в значительной степени от мобильности другого рода – социальной, продвижению по службе), в результате чего имущественное положение самураев становилось хуже с ростом буржуазных отношений.

Интересно проследить, каким образом традиционные феодальные отношения влияли на формирование бюрократии и каковы были результаты этого влияния. Политическую основу режима Токугава составлял принцип феодальной лояльности вассала своему сеньору: образовавшаяся такая образом иерархия находила выражение в идеологии, а также конфуцианском образовании, которое само по себе становилось средством социальной мобильности. Согласно логике построения общества, оно четко разделялось на две категорий людей – «простонародье» (к которому относились крестьяне, купцы, ремесленники и пр.) и правящий класс (самураи), причем переход из первого состояния во второе был крайне затруднен, практически невозможен. Лишь к концу сегуната можно констатировать процесс анноблирования богатого купечества (получения его представителями самурайских рангов).

Такая ситуация все более переставала соответствовать реальной расстановке сил и вступала в противоречие с тенденциями модернизации и европеизации страны, основными условиями которых была ломка феодальных структур, расширение социальной мобильности.

Наряду с теорией социальной стратификации концепция социального конфликта является одной из основополагающих для современной социологии. Мы видели, что потенциальная возможность конфликта содержится уже в самой природе общества, для которого характерно неравенство различных составляющих его классов, слоев, групп и отдельных индивидов по самым разнообразным параметрам. Можно сказать, что все измерения, по которым возможно проведение социальной стратификации – благосостояние, статус, престиж, национальная и религиозная принадлежность, пол, возраст и т. д., – при известных обстоятельствах становятся источником конфликтов различного уровня и характера. Результатом неравенства, существующего в обществе и связанного с ним различия интересов слоев, групп и индивидов становится дисбаланс социальной системы, появление в ней или в отдельных ее структурах противоречий, порождающих столкновение. По своему уровню конфликты могут развиваться на макроуровне (когда охвачена вся система общественных отношений), среднем уровне (в рамках большого социального слоя или ключевого института), на микроуровне (отдельная группа, вплоть до самой мелкой ячейки общества – семьи). По своему характеру конфликты могут быть распределены на структурные (между различными структурными подразделениями системы), функциональные (когда имеется противоречия в функциях той или иной роли) и структурно-функциональные (когда в результате изменений возникает несоответствие старых структур и новых функций). Кроме того, можно указать на различные последствия конфликтов разного характера. Те из них, которые ведут к дестабилизации существующей системы, можно признать антагонистическими, те, которые носят более частный характер и преодолеваются в ходе эволюционного развития, – неантагонистическими. Отсюда возможность типологии конфликтов по трем основным признакам – уровню, характеру и степени воздействия на общество.

Проблема конфликта традиционно привлекала внимание социальных мыслителей, находя объяснение в соответствии с тем, как понимали они общество в целом, его структуру, характер развития. Особенно большой вклад в разработку проблемы внес Маркс, учение которого часто интерпретируется современной социологией как классическая теория социального конфликта на макроуровне. Действительно, Маркс систематически проанализировал классовый конфликт и его роль в социальной эволюции, показал влияние классовой борьбы на организацию политической власти. По мнению Р. Дарендорфа, специально рассматривавшего данную проблему, Марксу принадлежит одна из важнейших идей современной социологии о связи между социальной структурой и социальным изменением через социальный конфликт, который представляет собой движущую силу изменений.

Модель конфликта, предложенная Марксом, есть теоретическое осмысление Французской революции и промышленного переворота. Этим объясняются как сильные, так и слабые ее стороны. Революционная традиция XVIII в. не только вдохновила Маркса, но и дезориентировала его. Он стал склоняться к выводу, что единственный путь, при котором социальные конфликты производят социальные изменения, есть путь революционного переворота. Значение марксистской теории конфликта состоит поэтому, главным образом, в общем подходе к проблеме и некоторых выводах из него. Прежде всего весьма перспективным представляется вывод о том, что общество, порождающее внутри своей структуры антагонистические противоречия, само является источником изменений. Во-вторых, в рамках этой теории ясно объясняется механизм конфликта вообще, безотносительно к конкретной исторической ситуации его возникновения. Так, всякий конфликт проявляется в появлении двух полярных позиций, борьбе между ними, при которой одна сторона нападает, а другая обороняется, а разрешение конфликта означает социальное изменение. Суть конфликта, таким образом, в

существовании двух противоположных начал, одно из которых отстаивает традиционный порядок вещей, будучи заинтересовано в нем, а другое, напротив, стремится к изменению этого порядка, завоеванию для себя более высокого статуса.

Критика марксистского подхода к социальному конфликту в социологии сводится к следующему: во-первых, он чрезвычайно абстрактен и может поэтому быть принят лишь как общесоциологическая схема. Тот факт, что Маркс оперировал таким понятием, как «класс», позволял ему указать лишь самые общие линии конфликта. Во-вторых, Маркс, оперируя слишком большими и всеобъемлющими социальными категориями, преувеличил значение конфликта – классовой борьбы в истории общества, представляя его как непрерывное столкновение противоборствующих интересов. В-третьих, анализ социального конфликта, во многом верный для индустриального общества, оказался неприемлем для современного (или пост-индустриального) общества. К этому следует добавить, что последователи Маркса оказали его учению дурную услугу, превратив его набросок теории исторических изменений в непререкаемую догму. Особенно большой вред в этом отношении был нанесен теории конфликта, которая, превратившись в лозунги, фактически не смогла дать социологии тот импульс, который она потенциально содержала в себе. Разработанная применительно к определенной исторической эпохе и на ее материале (именно – к эпохе перехода от феодализма к капитализму) теория конфликта Маркса без изменения перешла в новейшее время и нет ничего удивительного, что многие ее ключевые положения перестали соответствовать изменившейся действительности.

Суммарное и, на наш взгляд, во многом убедительное изложение этих изменений мы находим у Дарендорфа, ряда других западных исследователей. Их наблюдения касаются прежде всего двух основных участков конфликта – буржуазии и пролетариата, а также меняющегося характера отношений между ними. Оба рассматриваемых класса претерпели радикальные изменения в рассматриваемую эпоху. Класс капиталистов, некогда единый, раскололся на несколько социальных слоев, выделяемых по своему отношению к средствам производства. Это, во-первых, капиталисты в традиционном смысле слова, т. е. собственники средств производства, во-вторых, управляющие или менеджеры, являющиеся фактические организаторами производства и выполняющие, как таковые, функции контроля над средствами производства. Капиталисты традиционного типа осуществляли власть потому, что имели собственность. Власть была логическим следствием их права владения. В противоположность этому власть менеджера основана не на прямом, а на делегированном ему праве собственности, точнее – распоряжения ею от имени владельца. Однако в добавок к этому менеджер-бюрократ приобретает другой, не менее важный источник легитимации своей власти – непосредственный контакт с основной массой производителей, вынужденной подчиняться ему для поддержания консенсуса. К этому слою относятся, как правило, люди интеллигентных профессий – юристы, экономисты и т. п., которые весьма быстро занимают высокое положение в общественной иерархии и пользуются престижем. Указанная тенденция в отделении собственности от права контроля над ней порождает плюрализацию самого класса буржуазии, появлению в нем различных групп с несовпадающими интересами, поддерживающими установленный порядок, конкурирующими с его представителями, а также вообще имеющими другую природу. Очевидно влияние такой поляризации на классовый конфликт, когда капиталисты-собственники вытесняются менеджерами-функционерами, соответственно меняется состав и рекрутирование участвующих в конфликте групп, а их противоборство имеет мало общего с борьбой труда и капитала в традиционном смысле слова, хотя одна сторона представляет капитал, а другая – труд..

Рабочий класс, с другой стороны, также претерпел длительную эволюцию со времен Маркса. В настоящее время он, как и класс капиталистов, далек от гомогенности и в нем существует весьма развитая стратификация ролей, полюсами которой являются, с одной

стороны, – высококвалифицированный рабочий, по своему положению близкий к представителям свободных профессий – инженерам, экономистам и т. д., с другой – неквалифицированный рабочий. В настоящее время рабочий класс имеет три основных страта – высококвалифицированных, среднеквалифицированных и неквалифицированных работников. Тенденция к усилению первых двух категорий набирает скорость с усложнением техники производства.

Растворение и фактическое пересечение двух основных участников производственного процесса – капиталистов и рабочих – сделало возможным появление новой исторической реальности – так называемого среднего класса, вбирающего в себя социальные слои менеджеров, интеллигенции, белых воротничков, вообще высококвалифицированных рабочих и служащих. На этой основе возникает возможность преодоления того социального конфликта, который, согласно теории Маркса, неизбежно должен привести к социальной революции. Универсальным средством для этого является социальная мобильность, масштабы которой несравненно усилились со времен индустриального капитализма. В условиях всеобщего распространения доступного образования оно само становится важнейшим институтом социальной мобильности, благодаря которому способные люди из низших слоев общества могут подняться к его вершинам. Другим важным источником социальной мобильности могут служить так называемые смешанные предприятия, удельный вес которых неуклонно растет в развитых странах рыночной экономики. Такие предприятия открывают возможность малообеспеченным слоям общества участвовать в бизнесе и, следовательно, получать прибавочную стоимость.

Наиболее важным изменением в политической сфере, происшедшим со времен Маркса, является распространение принципов равенства, политической демократии и прав человека. Декларированные в свое время политические права (право создания партий, выборов в парламент, свободного доступа к средствам массовой информации) были со временем дополнены социальными правами (пособия по безработице, пенсии и т. п.). Государство выступает тем самым как весьма эффективный инструмент регулирования противоречий в обществе. Существование демократических институтов дает возможность институционализации конфликта, введения его в определенные контролируемые обществом рамки. Поле битвы враждебных социальных сил заменяется рамкой, где идет деловое обсуждение проблем на взаимоприемлемой основе. Путь к консенсусу открыт.

При таком подходе к социальным противоречиям особое значение имеет ряд принципов, сформулированных М. Вебером. В отличие от Маркса этот мыслитель не ставил своей специальной задачей анализ социального конфликта однако в его сочинениях можно найти достаточно положений по этому вопросу. Достаточно сказать, что Вебер, создавая теорию «идеальных типов», размышлял над проблемами диалектики и не был совершенно чужд данному методу с его основной идеей о борьбе противоположностей. Вебер, далее, принимал тезис Маркса о том, что собственность и разделение труда являются основой формирования классов с несовпадающими интересами, хотя и считал их не столько реальными социальными образованиями, сколько идеально-типическими конструкциями исследователя. Поэтому, в отличие от Маркса, выделявшего для эпохи капитализма три основных класса – землевладельцев, капиталистов и рабочих (с тенденцией к образованию на их основе двух антагонистических классов), Вебер допускал гораздо большее разнообразие классовых ситуаций, исходя из своего понимания социальной стратификации, принципы которой изложены нами. Наконец, различным был, исходя из этого, и прогноз обоих мыслителей на будущее. Маркс считал, что конфликт классов неизбежен, он будет нарастать и приведет к разрушению существующего порядка вещей, социальной революции, осуществить которую суждено пролетариату. Вебер, не отрицая в принципе данного конфликта, указывал также на существование многих других (национальных, религиозных, политических и т. д.),

которые, по его мнению, играют в истории не меньшую, а подчас и большую роль. Однако основной вклад Вебера в социологию конфликта следует искать в его теории рационализации. Остановимся на этой проблеме более подробно, поскольку данная веберовская теория лежит в основе подхода современной социологии к объяснению конфликта.

Центральной для метода Вебера, как и Маркса, являлась проблема объективности социальных наук. Однако объективное внутреннее содержание науки состояло для Вебера (в отличие от Маркса) не в каких-то имманентных тенденциях процесса исторического развития или необходимо действующих факторах, но прежде всего в каузальном характере взаимодействия явлений. Исходя из этого, можно интерпретировать основные направления научной работы Вебера – анализ отношений между экономическими структурами и формами социальной организации, а также мировых религий и обратного их влияния на экономику. Этот анализ позволил Веберу сформулировать главный вывод социологической теории – концепцию рационализации (которая возможна в двух формах – целевой и ценностной). Понятие «рациональность», ключевое в социологии Вебера (подобно понятию «классовая борьба» в социологии Маркса), не носит, однако, характер категории, отражающей объективный процесс. Важно подчеркнуть (поскольку это часто игнорируется), что рационализация – это вовсе не онтологический атрибут и не инструмент измерения истории, исторического процесса или человеческой деятельности. Как хорошо показано некоторыми современными исследователями его творчества, Вебер был далек от представления об истории как едином процессе рационализации и связывал его скорее с определенными эпохами и регионами, прежде всего – европейскими странами нового и новейшего времени.

Будучи основной категорией социологии Вебера, «рациональность» кладется им в основу объяснения исторических изменений, смены экономических отношений, и в частности – капитализма и образования его форм хозяйства, развития социальной и политической сферы (структуры власти и управления, парламентаризма, права), этики (выработка честности в отношениях между кредитором и должником), а также науки в искусстваа (напр., рационализация музыки). Идея рационализации служит, таким образом, для интерпретации различных сторон жизни общества, прежде всего – социальных конфликтов.

Так, рационально ориентированная хозяйственная деятельность имеет свое соответствие (или несоответствие) в типах организации общественной жизни и легитимной власти. Рационализация социальных отношений проявляется в борьбе различных экономических и политических интересов и представляющих их групп за статус, престиж и благосостояние в рамках системы рыночной экономики. В перспективе процессов рационализации анализировалось Вебером развитие мировых религий, выработка ими определенных этических норм, правил, ценностей, направляющих и регулирующих поведение людей в различных сферах жизни. Вебер показал, в частности, каким образом рационализация этических религиозных постулатов, охватывающая все поведение и ценности человека, сыграла значительную роль в эволюции фундаментальных институтов общества.

Важно отметить, что собственно структурно-функциональный подход часто подвергается критике именно за то, что не объясняет процесса изменения в истории, роли конфликта в ней, ограничиваясь лишь указанием на его существование и попытками формальной типологии конфликтов. Действительно, конфликт как условие социальных изменений может рассматриваться с различных точек зрения. Прежде всего конфликты между обществами в истории сыграли большую роль в образовании более крупных социальных образований, в установлении или укреплении определенной социальной стратификации, оказали глубокое воздействие на экономическую и политическую структуру обществ, социальную политику, нормы поведения и культуру. Конфликты между социальными группами внутри обществ являлись и являются главным источником нововведений и социальных изменений. Конфликты между классами (в полной мере сложившимися к новому времени) во многом обу-

словили картину социальных отношений современного общества. В частности, установление политической демократии в странах Западной Европы во многом являлось результатом классовой борьбы. Наконец, в различных обществах прошлого и настоящего существовала масса конфликтов разного уровня между нациями, этническими группами, поколениями, возрастными, половыми, профессиональными группами и т. д., которые определяют пеструю палитру взаимоотношений между индивидами в современных условиях.

При объяснении социального конфликта в современной социологии наметилась тенденция к интеграции экономического, социологического в политического подходов к его интерпретации. Такая интеграция осуществляется главным образом на основе системного анализа конфликтов с применением структурно-функциональной теории. Согласно данной теории всякий конфликт в социальной системе может быть интерпретирован как ее дисбаланс (нарушение гомеостаза) в результате изменений, вызывающих несоответствие структурных подразделений системы между собой (структурный конфликт), нарушение функций (функциональный конфликт), вызываемое изменением в распределении ролей участников игры или, наконец, противоречиями между структурами и функциями (структурно-функциональный конфликт). Сказанное объясняет тот синтез различных концепций конфликта (прежде всего марксистской и веберьянской традиций его анализа), который имеет широкое распространение в различных современных трудах по политической социологии.

С ростом рационализации в современном обществе становится более ясно, что человек в очень большой степени зависит от своей позиции по отношению к средствам производства. Этот вывод, как справедливо отмечал еще Р. Мертон, не должен представляться исключительно положением марксистской теории, но все более становится общепринятым достоянием современной науки вообще. Те отношения собственности, которые ранее были не вполне ясны и могли служить предметом дискуссии, в настоящее время стали совершенно очевидными благодаря росту бюрократизации. Все большее число людей, например, обнаруживает, что для того чтобы иметь работу, нужно быть на нее нанятым. Для того, далее, чтобы работать, нужно иметь необходимые орудия труда и оборудование. Однако и наем на работу и доступ к технике осуществляется лишь под контролем бюрократии, причем не имеет значения какой характер (публичный или частно-правовой) она имеет. Тот факт, что для поддержания своего существования человек необходимо должен быть нанят бюрократией и пройти через ее контроль, превращает данный социальный слой в исключительно грозную силу современного общества. Традиционный классовый конфликт таким образом постепенно трансформируется в конфликт между значительной частью общества и бюрократией. В этом смысле можно констатировать, что бюрократизация повсюду ведет к отделению производителей от средств производства, порождая отчуждение. Данная ситуация весьма сходна с той, которая имеет место во всех армиях нового времени, где бюрократизация выражается в полном отделении личного состава от орудий разрушения, поставленных под контроль административного ведомства. С усложнением техники в условиях научно-технической революции (необходимость лабораторий для проведения научных исследований, машин, сложной техники) значение бюрократии вырастает еще больше, ибо зависимость от нее непосредственных производителей (которые не имеют самостоятельного допуска к средствам производства) и военных (которые не допускаются к вооружениям) неуклонно возрастает.

В результате такого развития общества социальный конфликт, как столкновение различных антагонистических классов, все более трансформируется в противоречие между обществом и бюрократией, а в конечном счете выражается в некоторых основных тенденциях ее собственного развития. Нет ничего удивительного поэтому, что большинство западных исследователей часто рассматривают социальный конфликт как конфликт бюрократический, со свойственными для него правилами игры. При таком подходе в центре внимания оказывается борьба трех основных типов или моделей бюрократической организа-

ции – традиционной, рациональной и харизматической. В исторической перспективе эта борьба выражается в последовательном вытеснении традиционных начал организации рациональными, для чего иногда применяется харизматический (самостоятельный) тип власти. С точки зрения социальных отношений можно констатировать устойчивую тенденцию к расширению состава бюрократии за счет выходцев из различных социальных классов, сословий и групп. Данная тенденция особенно хорошо прослеживается на материале административных реформ нового времени. Существо конфликта здесь состояло в борьбе нового бюрократического начала со старым традиционным-аристократическим, постепенно уступавшим свои позиции. Средством борьбы служила социальная мобильность – привлечение на государственную службу абсолютистского государства выходцев из менее привилегированных или даже непривилегированных сословий. Мобильность оказывалась таким образом одной из важнейших средств разрешения конфликта в обществе. Она позволяла, в частности, ликвидировать тот социальный разрыв, который образовался постепенно между новыми отношениями собственности и властью, позволяя наиболее богатым, образованным или просто талантливым представителям низших классов достичь власти и могущества в рамках традиционной бюрократической иерархии.

Практически во всех странах конфликт двух групп в рамках элиты порождает соперничество между ними, осознанное их лидерами или бессознательное – не имеет значения. До 1873 г. две группы японской правящей верхушки сосуществовали, хотя придерживались различных точек зрения на перспективы развития. В это время сторонники нововведений во западному образцу доказала свою большую подготовленность для руководства модернизацией. Поэтому со стабилизацией и окончательной организацией правительства в 1873 г. преимущество второй (бюрократической) группы стало признанным, а ее представители получили ключевые посты. На первое место выступает теперь не принадлежность к знати и родственные узы с членами императорского дома, а бюрократические факторы элитной мобильности, которыми в Японии, как и в петровской России, признавались деловые способности, знания, профессиональное мастерство, длительность службы (выслуга), ее характер.

В странах Европы рационализация управления проходила раньше, чем на Востоке, осуществлялась в течение длительного времени, постепенно, в результате вытеснения традиционной феодальной аристократии новыми людьми в аппарате управления. Абсолютизм в какой-то мере поощрял эту практику, по крайней мере не препятствовал ей, в результате чего мы можем наблюдать во всех европейских странах такое явление, как бюрократизацию центрального органа власти – королевского совета, средствами чего является политика назначений, продажа должностей, выслуга незнатных чиновников или их выдвижение благодаря редким административным качествам.

В государстве с наиболее традиционной ориентацией – Испании, где длительное время существовали сильные пережитки автономии провинций, сословных корпораций знати и прочие подобные институты, пользующиеся поддержкой духовенства, именно государство в лице королевской бюрократии нашло в себе силы выступить с программой реформ по модернизации общественных и государственных структур в рамках политики просвещенного абсолютизма. Процесс этот не мог возникнуть совершенно на пустом месте, напротив, был подготовлен всей историей централизации и бюрократизации управления. Административная система испанского абсолютизма, уходившая корнями в централизованное государство Фердинанда и Изабеллы, достигла высокого уровня концентрации власти; число совещательных советов, из которых было составлено центральное правительство, – непрерывно возрастало.

Специфической чертой госаппарата испанского абсолютизма была слабость исполнительной власти при советах, некоторая аморфность всей административной структуры, кото-

рая лишь отчасти была устранена в ходе последующих административных реорганизаций. В связи с этим интересно определить тот социальный слой, который служил непосредственным источником функционеров для государственной машины, характер его социального статуса. Действительно, специфической особенностью рассматриваемой государственной машины являлось то, что в ее практическом функционировании, как отмечает Б. Бенассар, большую роль играл промежуточный между грандами и низшими группами населения слой людей, известных под именем «летрадес» (или «образованные»), которые примерно соответствовали людям мантии во Франции и рекрутировались из лиц с университетским образованием (имеющих диплом), откуда и происходит их название. Политическое значение летрадос подчеркивается тем фактом, что они играли важную роль в различных советах, являясь их председателями и ведущими членами. Как показывают специальные исследования ряда французских историков, представители ученого сословия (главным образом юристы) заседали, напр., в Совете Кастилии, Совете Финансов, Совете Крестовых походов, советах по управлению отдельными областями – Арагоном, Каталонией, Валенсией, Миланом, Неаполем и др. При Филиппе II власть юристов консолидировалась и институционализировалась. Доктора имели дипломы университетов Саламанки, Вельядолида, Ахкала де Хенарес, были освобождены от податей и имели другие привилегии. Высокий статус в области образования становился трамплином для быстрой административной карьеры. То была целенаправленная политика государства по созданию специальной административной элиты, формированию ее взглядов и ценностей, профессиональных качеств. Наследственное дворянство давалось редко и в основном докторам или тем летрадос, которые занимали высокие посты и многого достигли по службе. В большинстве случаев образование открывало дорогу к пожизненному дворянству.

Большое значение для определения социальной сущности госаппарата абсолютизма имеет вопрос о соотношении в нем традиционной аристократии и новых людей. Несмотря на значение летрадос – испанской «знати мантии», которое было показано выше, говорить об их полном контроле над аппаратом невозможно. Испанская монархия не была меритократией. Роль высшего и среднего дворянства нельзя недооценивать. Дело в том, что между летрадос и знатью не всегда можно провести четкую границу, так как многие образованные люди были представителями дворянства.

Властвующая элита испанского абсолютизма формировалась как показывает ряд авторов, как смешанная: она включала в себя как представителей аристократических верхов, традиционно занимавших посты в некоторых важнейших советах, так и представителей новой знати, светской и духовной, основным источником которой служили летрадос различных советов и других менее значимых учреждений. Сами учреждения распределяются на две группы в соответствии с тем, какой социальный контингент занимал в них доминирующее положение. Так, аристократия преобладала в Государственном совете, Военном совете, была представлена в советах Индии, Италии, Фландрии. Летрадос, наоборот, приходили к власти из других советов – Кастилии и Арагона, Инквизиции, Финансов и т. д., которые осуществляли непосредственное управление и в которых, поэтому, сосредоточивалась реальная административная власть.

Обе группы – аристократическая и бюрократическая в рамках правящей элиты не были совершенно замкнутыми: несмотря на серьезные противоречия между ними, существовала устойчивая тенденция к их переплетению и смешению, осуществлявшемуся путем браков представителей обеих групп. Как и в других абсолютистских государствах (например, в Англии), данная практика вела к «инфляции почестей». Борьба аристократии и бюрократии всегда оканчивалась победой последней, однако в Испании процесс этот шел медленнее, временами аристократическая реакция брала верх и обращала развитие вспять. Сила традиционных отношений была столь велика, что в Испании существовала тенденция к стагнации

общества. Одним из проявлений социальной дифференциации был необыкновенно большой разрыв в состояниях представителей различных классов. Бюрократия, не принадлежавшая по рождению к этой категории (аристократии), но проникавшая в ее среду, служила промежуточной прослойкой между различными классами, обеспечивала проникновение буржуазии в дворянскую среду.

Складывание рационально организованной бюрократии в странах Европы нового времени и бюрократии в современном смысле слова порождали особый тип поведения, психологии, ценностей. С этой точки зрения вполне оправданно обращение многих исследователей к изучению данных явлений в художественной литературе и публицистике рассматриваемого времени, прежде всего сочинениям Бальзака, Гоголя, Кафки и других, создавших классические образы чиновников. Реконструкция психологии бюрократии прошлого, рассмотрение образа жизни, представлений и ценностей чиновничества проводится в контексте административной истории ряда стран. При этом выделяется, как правило, три аспекта наблюдения: собственно административный аппарат, поведение индивида вообще и чиновника, в частности, в нем, наконец, психические переживания, настроения, идеи, возникающие у него из-за соприкосновения с миром формальных организаций и официальных отношений. Примером такого обращения к административной истории является ряд исследований Г. Тюилье под общим заглавием «Бюрократия и бюрократы во Франции в XIX в.», в основе которых часто лежат литературные источники или пресса. Примечательно рассмотрение в данном контексте переписки Г. де Мопассана в период его службы в министерстве. В своих письмах родным и своему учителю Флоберу писатель сообщает о характере своей службы, отношениях с начальством, работе и тех чувствах, которые она у него вызывала. Особенно много было им взято для критики министерских порядков: деспотизм начальства, игнорирование жизни, моральный упадок и деградация служащих. Мы начинаем лучше понимать инфраструктуру бюрократии, когда видим яркие примеры продвижения по службе, систему рекомендательных писем, значение неформальных связей и т. п. Сходные наблюдения получаем при обращении к деятельности таких высших администраторов и чиновников, как Поль Клодель, Поль Валери, Ш. Ренувье и пр.

Одним из признаков развития самосознания бюрократии, как показал Тюилье, стало появление особой административной прессы, то есть изданий, в которых освещались вопросы организации, перестройки госаппарата, находили освещение вопросы, интересующие чиновничество, а позднее – профсоюзные интересы функционеров. Подобные издания являлись признаком развития гражданской службы, поскольку в них специально обсуждались вопросы ее теории и практики, ооветались способы повешения эффективности и т. д.

Таким образом, социология конфликта открывает перспективный путь исследования тенденций развития социальных процессов в истории и современности. Она позволяет, в частности, увидеть в объективных противоречиях источник и движущую силу изменений социальной структуры, причину появления на исторической арене новых социальных слоев, институтов и политических групп. Анализ конфликта традиционных и рациональных начал в управлении с этой точки зрения позволяет, как было показано, во многом объяснить становление одной из принципиальных сил современного общества – бюрократии нового типа.

Важную политическую нагрузку в политической социологии имеет понимание механизма власти.

Согласно М. Веберу власть может быть определена как возможность того или иного социального деятеля проводить свою волю в обществе, несмотря на оказываемое сопротивление. В типологической шкале отношения власти по различным уровням и критериям ее функционирования в обществе наиболее распространенными являются: легитимность – способ обеспечения консенсуса между властью и обществом; природа используемых властью санкций – позитивных или негативных (награды или кары), а также средства или

каналы коммуникаций, которые власть использует для проведения своих решений в жизнь. Имеются также такие функции власти как участие в распределении экономических ресурсов и другие.

С точки зрения системного анализа власти важной проблемой являются критерии распределения и перераспределения власти. Применяя теорию социального действия Парсонса можно раскрыть процесс принятия решений, роль и их изменения, поведенческих мотивов. Большинство социологов солидарны в наличии «политического класса», «правлящей элиты». Можно констатировать, что теория элиты является одним из наиболее важных открытий социологической мысли.

Все названные общесоциологические теории имеют важное значение для осмысления и российского политического процесса.

Использованная и рекомендуемая литература

Медушевский А.Н. Политическая социология и история. Ангарск, 1990.
Современная западная социология. Словарь. М., 1990.

Глава II

Российские мыслители о социологических аспектах исторического процесса

Целостное представление об истории социологии в России можно получить лишь в том случае, если обратиться к широкому направлению правовой, исторической и политической мысли XIX в., которое традиционно носит название юридической школы. Именно данное научное направление, образовавшее магистральную линию развития русской исторической мысли, представленное капитальными трудами по праву, социологии, истории К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, П. Н. Милюкова и многих других, составляет тот реальный научный базис, без которого трудно представить себе дальнейшее поступательное развитие исторической науки и социологии.

Причины широкого общественного внимания и интереса к исторической мысли прошлого вообще следует искать прежде всего в сфере социальной и духовной жизни общества.

В переживаемую нами эпоху реформ обращает на себя внимание и другая особенность гуманитарных наук рассматриваемого периода, прежде всего юридической школы. Ее центральной проблемой являлось обоснование демократических преобразований, конституционного строя, правового государства. Именно в этом направлении велась ее научная, публицистическая и политическая деятельность, в этом состоит ценность ее идей для современности.

Особенностью ученых юридической школы, делающей их близкими современному читателю, является также определенно выраженная западническая направленность их общей историософской, социологической концепции. Будучи последователями ведущих западных мыслителей своей эпохи – Фихте, Шеллинга, Гегеля, а впоследствии – Конта, Маркса, Спенсера, много работавшие на Западе русские ученые не могли остаться равнодушными к западным социально-политическим порядкам, философским доктринам и той свободной научной атмосфере, которая им соответствовала; они отстаивали необходимость просвещения и европеизации России, видя в этом единственный путь мирного разрешения грядущих социальных конфликтов. Отвергая учение славянофилов об особом, избранном пути России и фетишизацию русской общины и мужика как «исконного и природного» носителя социализма, государственники подготовили почву для признания идеи общности законов всемирно-исторического процесса, сходства судеб различных народов, что не мешало им видеть и глубоко раскрыть специфику русской истории.

Правовые взгляды государственников, большинство из которых были юристами, охватывают широкий круг вопросов общественного развития и, по существу, могут рассматриваться как социологическая теория. Для них характерно последовательное логическое выведение основных социальных институтов – общества, государства, семьи – из идеи органического развития абсолютного духа.

В соответствии с Гегелем государство определяется как осуществление нравственной идеи, а его внутренняя цель как «высшее сочетание свободы с разумным порядком», служение идеалу общего блага, охрана свободы и прав личности и собственности. Эти вопросы нашли подробное освещение в «Курсе государственной науки» Чичерина. С позиций либерализма им рассматриваются вопросы верховной власти (ее нераздельность, неотчуждаемость), законодательные прерогативы и законность действий, а также связь с обществом (сочетание прав и обязанностей личности).

В соответствии с правовой традицией того времени право подразделяется на публичное и частное, причем последнее рассматривается как подчиненное по отношению к первому. Это связано с гипертрофированным представлением о государстве как «высшем назначении народа, его историческом призвании», «высшей цели общественного развития». Государство предстает вечным и «верховным союзом на земле». В соотношении общества и государства, как понял его Чичерин, наиболее отчетливо выражается механистичность гегелевского представления о публичном и частном праве, в соответствии с которым «гражданское общество» образуется на основе взаимодействия частных целей отдельных лиц, а государство является осуществлением общественной или коллективной цели. Не случайны поэтому упреки Чичерину в возрождении теорий естественного права и «общественного договора» Руссо, высказывавшиеся в современной ему юридической литературе. В связи с этим понятна также логика критики Чичериным известных правовых теорий того времени, дающих определение права с неокантианских позиций (работы Р. Иеринга «Цель в праве» и сочинений С. А. Муромцева).

В учении о государственной власти для Чичерина характерна известная дихотомия, т. е. все формы правления он однозначно подразделяет на государственные и негосударственные. При этом, в отличие от Гегеля, Чичерин придает самостоятельное значение не только идеалу государственного устройства, но и подготовившим его формам, отмечая, что с исторической точки зрения «все образы правления одинаково правомерны, хотя не все обнаруживают одинаковую степень развития». Однако, как и Гегель, идеальной формой правления Чичерин считал конституционную монархию, позволяющую, по его мнению, совместить сильную власть (монархическое начало) и свободу (элемент народного представительства). В этих идеалах нашли выражение политические устремления либерализма в конкретных условиях России, отразившиеся в либеральном земском движении и публицистике.

Отмеченная тенденция нашла развитие в трудах государственников более позднего периода. В очерке А. Д. Градовского «Политическая философия Гегеля» последовательно раскрывается гегелевская трехступенчатая формула – семья, гражданское общество, государство. Характерно, что автор делает упор именно на ступенчатый, механистический характер формулы, а не рассматривает ее как выражение диалектической триады, что было свойственно представителям государственной школы раннего периода. Вполне в духе гегелевской философии права государство определяется как «продукт сознавшего себя духа, продукт народного самосознания», «действительность идеи воли, действительность конкретной свободы». Эти признаки государства объединяются постулатом единства цели: «... государство... есть само по себе цель. Эта цель есть абсолютная, неподвижная и конечная цель, в которой свобода достигает высочайшего своего права». В отличие от многих других авторов, Градовский склоняется к расширительной трактовке формулы Гегеля о конституционной монархии как форме власти, «которая может получить самое разнообразное содержание».

Общая система социологии в России впервые представлена в трудах Б. Н. Чичерина, который рассматривал ее как часть курса государственной науки. Данная наука включала в себя, по замыслу Чичерина, философское обоснование изучения общества и государства, собственно социологию как дисциплину, непосредственно изучающую общество, и, наконец, политику, ставящую своей задачей обоснование разумной политической деятельности.

Теоретически отграничив юридическое отличие государства от гражданского общества, согласно философии права Гегеля и учению

Лоренца Штейна, с доктриной которого ученый был хорошо знаком, Чичерин определяет государство и общество как два разных союза, «из которых один представляет общество как единое целое, а другой заключает в себе совокупность частных отношений между членами». В состав обоих союзов входят одни и те же лица, но в разных отношениях, и

соответственно они управляются разными нормами – публичным и частным правом. Дав такое юридическое определение, Чичерин, однако, подчеркивает, что юридическая сторона не исчерпывает сложных противоречий частных и государственных интересов в соотношении общества и государства. «Совокупность частных отношений между людьми, подчиняющимися общей политической власти, – говорит он, – и есть то, что называется обществом». В таком подходе прослеживается несомненное влияние Гегеля, с одной стороны, и юристов-практиков – с другой. Ученый отмечает, что совпадение двух путей исследования, «сверху» и «снизу», подтверждает правильность такого подхода. В то же время он считает, что собственно общество и наука о нем – социология – представлены в научной традиции различными подходами. Они различаются в зависимости от того, что берется в них за главный критерий. Одни ограничивали его областью экономики, другие – распределением духовных общественных благ (Л. Штейн), третьи понимали под обществом совокупность частных союзов, стоящих как бы посередине между областью частных отношений, управляемых гражданским правом, с одной стороны, и государством – с другой (Р. Моль), четвертые интерпретировали общество гораздо шире, считая государство одной из его функций (экономисты типа Шеффле и реалистические философы, как, например, Г. Спенсер). Чичерин отмечает, что «весь современный социализм основан на смешении государства и общества, или лучше – на поглощении последнего первым».

Определив место социологии в общем подходе к социальным явлениям, Чичерин очень детально и подробно разрабатывает предмет социологии, понятой таким образом. В разделе его «Социологии» об элементах общества мы находим, по существу, прообраз подхода современной социологии к изучению социальной структуры. Первоначальной ячейкой общества ученый считает «физическое лицо с его стремлениями и интересами». В свою очередь, человек является существом двойственной природы; в нем сочетаются физическое и духовное начала. Естественную основу общественной жизни составляет поэтому природа человека как физического существа. В связи с этим необходимо учитывать влияние на него окружающей природы, материальную деятельность, направленную на ее покорение, составной частью этой основы являются и физиологические отношения людей друг к другу, определяющие их положение в таких кровных союзах, как семья, род и племя, составляющие основную ячейку общественного быта. Тесно связан с природными явлениями и характер материальной деятельности человека. Свойства труда, обращенные на покорение природы, отражают как физическое, так и разумное естество человека, в соответствии с чем и труд разделяется на физический и умственный.

Содержание социологии Чичерина представляет собой рассмотрение основных сторон или элементов общества. Им посвящены специальные разделы его социологического курса: природа и люди; экономический быт; духовные интересы. Фактически проводится анализ основных сторон общественной жизни в их взаимосвязи между собой.

В соответствии с общей установкой государственной школы большое значение придается влиянию природной среды на общественное развитие. Чичерин подчеркивает, что влияние географических условий не абсолютно: в одних и тех же природных условиях, например, народ Греции прошел различные этапы исторического развития. С другой стороны, освоение новых природных зон не меняет характера народа. Влияние природы на общество вообще признается весьма существенным. На первое место при этом выделяется строение почвы, влияющее на складывание естественных границ государств, на развитие путей сообщения. Далее определяется значение климата, а также наличие или отсутствие природных богатств. В качестве особого фактора выступает демографический – количество и качество населения, его плотность и характер. От вопросов народонаселения ученый переходит далее к характеристике так называемых естественных союзов – семьи, рода, племени. Централь-

ной проблемой является при этом разложение традиционных кровных основ общества и образование новых, основанных на частных интересах, структура общества.

Предметом специального рассмотрения становится экономика. Здесь вводится понятие человеческой деятельности в экономической области. Ученый останавливается при этом на вопросах производства, оборота, распределения доходов и потребления. Именно в области экономической деятельности он ищет основу возникновения классов. Считая, что общественные классы имеют происхождение не только экономическое, но и юридическое, политическое и даже религиозное, Чичерин в своей «Социологии» прослеживает «отношение юридических форм к экономическим началам».

Исходя из того, что экономические воззрения, господствующие обществе, находятся в зависимости от действующих в нем духовных сил, Чичерин видит задачу общественной науки в исследовании различных факторов социальной жизни. Он не считает поэтому научно оправданным непосредственный переход из области экономики в сферу права, нравственности и государства. Однако раздел об экономике в его работе включает в себя размышления о формировании общественных классов, которые рассматриваются именно с точки зрения развития экономики, причем в исторической перспективе.

Появление классов он связывает уже с формированием родовой аристократии. Выделение общественных классов происходит при распаде родовых союзов и создании теократических или светских государственных образований. Чичерин пишет о появлении класса свободных земледельцев, а потом его исчезновении и замене классом богатых рабовладельцев, установлении, далее, средневекового сословного порядка с его крепостным правом, о последующем разрушении сословного порядка и развитии общества экономической свободы. В этом, гражданском, обществе в свою очередь также образуется определенная иерархия слоев или групп, которая возникает как результат «свободного движения экономических сил». Высшие классы данного общества, согласно Чичерину, сильны своим экономическим богатством – владением природными ресурсами, промышленными предприятиями, капиталами. Данные классы в наибольшей степени связаны с управлением, вообще публичной деятельностью.

Продолжая анализ общественных структур уже на материале своего времени, Чичерин уделяет большое внимание таким общественным группам, как земельная аристократия, владеющая поземельной собственностью, средние землевладельцы – низшее дворянство, в том числе основная масса уездных русских помещиков, общественное призвание которых усматривается в осуществлении местного управления. От его внимания не ускользают противоречия и борьба среднего дворянства и бюрократии; причем «русский помещичий класс бессилён против натиска бюрократии, не способен стоять за свои права».

Внимание Чичерина привлекает такой новый социальный элемент общественной структуры, как «класс фермеров, который вкладывает свой капитал в арендуемую ими землю»; денежная аристократия или «крупные капиталисты», составляющие необходимый противовес поземельной или родовой аристократии. Отметим, что особое внимание уделяется такому новому общественному слою, как интеллигенция, которую он называет «умственной аристократией». Чичерин отмечает такие ее признаки, как особое экономическое положение интеллигенции, живущей доходами от своего умственного труда, противоречивость ее положения в обществе, где она связана, с одной стороны, с техническим прогрессом и представляющим его промышленным капитализмом («техника»), а с другой – с теми сферами практической деятельности, которые не связаны с экономикой (медики, адвокаты, журналисты, учителя). С этой противоречивой и неоднородной природой интеллигенции Чичерин совершенно справедливо связывает и противоречивость идейных позиций и убеждений интеллигенции.

В широких массах населения Чичерин сумел раскрыть наличие таких специфических слоев, как, например, рабочая аристократия, более высокий статус и благосостояние которой связаны с высококвалифицированным техническим трудом. Интересно, что в этом слое ученый усматривает «будущность рабочего класса», по существу, развивая своеобразную теорию конвергенции, которая, по его мнению, происходит с развитием индустриальных отношений и научно-технического прогресса. Здесь несомненно присутствует прообраз современного социологического подхода, смысл которого состоит в выделении прежде всего тех социальных слоев, которые являются выражением серьезных социальных конфликтов, угрожающих существованию консенсуса. Именно в сохранении этого социального равновесия видит Чичерин задачу правящих классов, цель политики государства. Идеалом такой организации общества представляется, как мы видели, демократическое государство Запада.

В социологии Чичерина очень большое место уделяется духовным интересам в общественной жизни. Фактически он рассматривает различные формы общественного сознания, выделяя среди них религию, науку, искусство, нравы и воспитание. Каждая из них является в настоящее время предметом специальных социологических и историко-культурных исследований, что уже само по себе говорит о широте воззрений мыслителя. Собственно методика социологического исследования может быть раскрыта на примере анализа такого явления, как нравы общества. Чичерин рассматривает, в частности, соотношение нравов с юридическими установлениями, законами, а также обычаями, подчеркивая, что моральные нормы подчас действуют сильнее законов, поскольку их исполнение контролируется социальной средой, окружающей человека, а не властью.

Чичериным показано, каким образом происходит формирование нравов из определенных общественных отношений, свойств людей, уровня их развития, общественного положения, условий, в которые они поставлены. Затронут и такой вопрос, как различие нравов высших, средних и низших классов общества, связь его с экономическим и социальным порядком, уровнем потребностей и т. п.

Чичерин отмечает и даже характеризует некоторые типические с точки зрения этнографии и социальной психологии черты нравов русской крестьянской среды, с ее пережитками патриархальных порядков, обрядностью, формами поведения. С другой стороны, дается характеристика обычаев аристократической среды, с ее понятиями о светских приличиях, формах, пережитках сословного строя (правила рыцарской чести, боярского местничества, поединков и т. д.). Очевидно, что изложение этих вопросов не являлось для Чичерина самоцелью, а отражало его стремление к выработке новых социальных ценностей, как, например, гласность, публичность, формирование более определенного общественного мнения как формы социального контроля.

Большое место в социологическом учении Чичерина занимает вопрос о религии, прежде всего о христианстве, которому он придает особенно важное значение как общечеловеческой религии. Среди различных форм христианства, рассматриваемых ученым по преимуществу с этической стороны, он выделяет, в частности, протестантизм как одно из проявлений свободы мысли и совести и в этом смысле выражение не народного, а скорее общечеловеческого начала. Отметим, что в дальнейшем именно эта проблема стала предметом специального внимания М. Вебера, рассматривавшего ее в контексте развития капитализма. С другой стороны, диалектику общечеловеческих и народных начал Чичерин затрагивает в связи с развитием политической истории, различных форм правления. Народность, таким образом, не представляет собой ступени или момента в развитии человечества, но является определенной исторической силой, участвующей в общеисторическом процессе, воспринимая и сообщая движение истории в соответствии со своими особенностями. Исходя из этого и рассматривает Чичерин закономерности развития человечества.

Концепция закрепощения и раскрепощения сословий составила социологическую основу интерпретации реформ 60-х годов в трудах всех представителей государственной школы. В сжатом виде эти идеи сформулированы К. Д. Кавелиным в «Записке об освобождении крестьян в России» 1855 г. В новых условиях стало необходимым освобождение крестьян, которое интерпретировалось как важнейший завершающий шаг высвобождения сословий от государственной зависимости и условие создания гражданского общества. При этом Кавелин исходил из того, что крестьянская реформа должна соблюсти три важнейших условия: крепостных следовало, по его мнению, освободить вполне из-под зависимости от господ; освобождение должно непременно осуществиться с землей и не иначе как с вознаграждением владельцев. Давая социологическую оценку положения различных сословий в ходе реформы, Кавелин придает особое значение анализу дворянства как правящего сословия. Он при этом обращает преимущественное внимание на такие параметры, как собственность, привилегии и социальный престиж: «В прирожденном и имущественном неравенстве людей коренится... причина общественного неравенства, возвышения и неравенства одного слоя общества над массой народонаселения». Опасной тенденцией в развитии дворянства в России он считает превращение его в замкнутую наследственную касту, «управляющую делами страны в одних исключительно своих интересах, не думая о благе и пользе прочих сословий и общественных элементов». Пагубность этой тенденции он подчеркивает, сопоставляя ее с градацией французского дворянства накануне революции и с позициями английского дворянства, сохранившего свои привилегии.

Вопрос о положении крестьянского сословия – центральная проблема эпохи реформ – рассматривается Кавелиным с социологической, юридической и исторической точек зрения. Для него крестьянство – это основная сила русского исторического процесса, то «четвертое сословие», от которого в конечном счете зависит будущее России. В сравнительно-исторической перспективе, обращаясь к истории Западной Европы, Кавелин приходит к выводу, что решение аграрного вопроса на Западе, приведшее к обезземеливанию крестьян, создало предпосылки пролетариата. Подобная перспектива для России кажется ему неприемлемой, Россия не должна повторить ошибку Запада, последствия которой ощущаются в новое время: «Это тень Бланко, которая возмущает живых своим неожиданным появлением. Общественная неправда, совершенная предками, тяжело отзывается теперь на потомках». На Западе, по Кавелину, «гнет капитала... заступил место юридического рабства, наложенного на низшие классы крепостным правом». Альтернативный путь исторического развития для России Кавелин связывает с правильным решением крестьянского вопроса. Считая, что «в крестьянстве – ключ нашего национального существования, разгадка всех особенностей нашего политического, гражданского и экономического быта», Кавелин пытается преодолеть традиционную недооценку крестьянского вопроса правовой наукой его времени: «Немецкие профессора говорят о четвертом сословии, имея в виду рабочих как часть городского населения. Я же думаю, что действительно новое четвертое сословие представляет социальный тип, еще никогда не игравший никакой роли в истории, – тип сельского жителя, земледельца, крестьянина. Эту мысль я развивал еще в 1863 г. в Бонне, в кружке профессоров». Вспоминая об этом в переписке с А. Рамбо, ученый писал: «Я точно так же удивил немецкую публику в Бонне в 1863 г., доказывая, что четвертое сословие (*der vierte Stand*) не есть безземельный и бездомный рабочий, а мужик, владеющий землей. Россия есть и долго будет для европейцев страной сюрпризов всякого рода, потому что и история у нее совсем особенная, непохожая на европейскую, а ее-то европейцы не знают вовсе, думая, что, прочитав Карамзина, они все узнали. Карамзин мастер писать, но историк он и политик очень плохой. После него много сделано, чего в Европе не знают и даже не подозревают».

В трактовке вопроса о сельской общине в России Кавелин занимал весьма специфическую позицию, в которой сочетались идеи государственной школы (представлявшей общину

как институт, созданный государством в фискальных целях) и славянофильских верований в великую роль общины как реальной альтернативы развитию капитализма в России. Оптимальным ученый считал разумное сочетание общинного землевладения, препятствующего переходу земли в руки частных владельцев, с личной поземельной собственностью крестьянина, позволяющей избежать пролетаризации и нищеты крестьянских масс. Кавелин исходил, по-видимому, из того, что с течением времени наиболее богатая часть населения будет выходить из общины и переселяться в города, а беднейшая, неимущая, останется в общине, которая оградит ее от бродяжничества и нищеты, даст работу.

Отношения сословий и государства в России эпохи реформ интерпретируются Кавелиным в связи с обсуждением конституционного вопроса. Возражая тем либеральным мыслителям, которые видели в конституции и парламенте оптимальный вариант социально-политического строя, Кавелин утверждал, что в России это нереально. Согласно его мнению, всякая конституция во время проведения реформы неизбежно передала бы власть в руки дворянства, а это, при отсутствии среднего класса и полной политической незрелости народной массы, привело бы к освобождению крестьян без земли. Этот выход из положения, как уже было показано, Кавелин считал совершенно неприемлемым, ибо он вел к обезземеливанию и пролетаризации крестьянства. Исходя из этого, для периода реформ он считал необходимым не конституцию, а развитие местного земского самоуправления, предназначенного явиться той школой политической зрелости, которая создаст предпосылки будущего правового государства.

В научном и публицистическом творчестве А. Д. Градовского – основателя особого направления в рамках государственной (юридической) школы – можно выделить ряд ключевых проблем. Это прежде всего общество и государство России нового периода отечественной истории; проблемы конституционализма и реформа 1861 г.; сопоставление истории России и стран Западной Европы.

Градовскому, в отличие от многих других современников, вовсе не свойственно было представление государства вечным и неизменным в истории институтом. Об этом свидетельствует ряд положений, в которых государство предстает как определенный этап развития социальных отношений. Для него семья и собственность – это институты, возникающие до образования государства, которое, в свою очередь, возникает на их основе. Постепенно, считает он, из понятий собственности, церкви, семьи, общины возникает понятие государственной власти. Дальнейшая эволюция связывается им с определенным состоянием общественного сознания, когда возникает идея государственности вообще. Идея власти тем самым переносится в более высокую идейную сферу, а вместе с тем расширяется и самый круг человеческих отношений. В этом смысле государство есть национальность, дошедшая до самосознания, заключает Градовский.

Социологический в основе своей подход к праву и государству сделал возможным рассмотрение им социальных институтов, учреждений, истории управления как конкретно-исторических проявлений отношений собственности, власти и личности. Этот подход прослеживается в ряде монографических исследований Градовского, посвященных конкретным проблемам истории центрального и местного управления. Рассматривая в духе государственной школы государство, а точнее, правовое государство как орудие социального прогресса, как силу, регулирующую отношения в обществе, Градовский в то же время вводит особый и очень важный момент в учение о государстве. Он пишет, что для органического учения о государстве и сходных с ним организациях «необходимо понятие интереса». Иначе говоря, из области идеального воззрения на государство он делает важный шаг в понимании реальной природы социальных отношений, т. е. социальных интересов. Градовский следовал здесь, вероятно, за крупным австро-германским юристом Лоренцом Штейном, который, исходя из гегелевской философии права, именно таким образом подходил к интерпретации

истории социалистических доктрин и классовых противоречий эпохи французских революций.

Центральной проблемой социологической и историко-юридической концепции А. Д. Градовского являются общество и государство в их взаимном отношении, их изменения в ходе исторического процесса. «Отношение государства и общества есть отношение единства к разнообразию, принуждения к свободе». Ценна уже сама постановка на новой, позитивной основе старых вопросов права: «Как произошло общество? Что такое общество? Как относится человек к общественному союзу?» Ответ на эти вопросы находим в основном труде Градовского – «Начала русского государственного права». Здесь общество подразделено на классы и сословия, которые становятся объектом специального анализа. «Различие классов основывается на естественных условиях, не подлежащих действию государственного законодательства, – считает Градовский. – Различие классов возникает, во-первых, из различия занятий (класс военных, духовных, ученых, промышленников и т. д.), во-вторых, из условий величины имущества (богатые, бедные), в-третьих, из качества собственности (земледельцы, капиталисты), в-четвертых, из условий количественно-нравственных (образованные и необразованные), в-пятых, из роли, которую играют отдельные лица в экономическом производстве (предприниматели, рабочие)». Сословия, напротив, по самой своей природе являются учреждениями государственными, чем они отличаются как от классов, так и от религиозных каст. Градовский определяет сословия как «отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественно различия в правах и обязанностях». Таким образом, основное различие между классами и сословиями усматривается им в том, что первые возникают объективно, в ходе постепенного развития общества и его социальной дифференциации, вторые же создаются государством. Это показывает неправомерность некоторых упрощенных трактовок воззрений государственной школы, исходящих из того, что она в самом государстве видит непосредственный источник классовообразования. При этом Градовский специально разъяснял различие понятий «класс» и «сословие», причем подчеркивал объективную основу этих социальных явлений. «Называя сословия явлением государственным, – писал он, – мы, однако, не хотим сказать этим, чтобы действительно государству всегда и везде принадлежала инициатива в деле установления сословных различий. Мы говорим только, что различия сословий получают свою санкцию от государственного законодательства и носят характер чисто политический...» Отметим, что подобное представление о классах и их отношении к сословиям и государству в значительной степени предвосхищает определения данных понятий в западной социологии.

В вопросе об общине и ее роли Градовский, несмотря на то, что одно время находился под определенным влиянием славянофильства, стоит в основном на позициях государственной школы. Признавая древность общины, он рассматривает ее эволюцию как постепенное превращение в инструмент государства, средство обеспечения тяглых функций крестьянства. При этом, отмечает он, черные общины постепенно исчезали в центре государства и оставались только на его окраинах, в тех местах, где государственная власть не успела еще проникнуть во все сферы общественной жизни. По мнению Градовского, различие типов общин несущественно, качественное различие шло по другому признаку – между свободными и несвободными крестьянами.

Важнейшее значение приобретал подход к истории общества как развитию целостного, взаимосвязанного социального организма, взятого во всей его сложности и единстве. Раскрывая общую идею главного труда своей жизни, С. М. Соловьев писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм; не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию».

Новизна рассматриваемой исторической концепции состояла в последовательном изучении соотношения общества и государства в их историческом развитии; выявлении объективных условий, в которых протекал русский исторический процесс; анализе состояния общества; характеристике роли государства в русском историческом процессе. Эта триединая задача реализовалась в исторической концепции, объяснявшей действие географического фактора, колонизацию страны, формирование сословно-государственного строя.

Само обращение к проблеме влияния природных условий на жизнь общества явилось новым и плодотворным направлением в исторических исследованиях, далеко опередившим свое время. О его плодотворности говорит, в частности, тот факт, что создатель современной экологической теории В. И. Вернадский несомненно находился под влиянием идей государственной школы по этой проблеме. Имеются прямые свидетельства как о научных, так и о личных связях ученого с представителями этого исторического направления. К их числу относится его переписка с историком А. А. Корниловым 1892–1919 гг., в которой В. И. Вернадский рассказывает о своих научных планах и исследованиях. Ряд современных направлений в западной исторической науке, как, например, школа «Анналов» и «евразийская теория» Г. В. Вернадского, несомненно обнаруживают определенную преемственность по отношению к этим идеям, разрабатывавшимся государственной школой впервые на русском материале.

Уже С. М. Соловьев придавал географическому фактору решающее значение, подчеркивая, что в русской истории «ход событий постоянно подчиняется природным условиям». Он выделяет, в частности, такие особенности природных условий страны, как обширность и равнинность русской государственной области, роль рек, как важнейшего условия освоения земель и складывания социально-экономических взаимосвязей между регионами. Он подчеркивает, далее, что Россия, как «ворота из Азии в Европу», породила специфический тип цивилизации. Сильной стороной такого подхода явилось взаимосвязанное рассмотрение естественно-географических и социально-политических, демографических процессов развития общества. Именно в этом состоит научная ценность синтезирующего (на междисциплинарном уровне) понятия «колонизация», на что в нашей литературе не обращалось должного внимания. Колонизация предстает решающим фактором русской истории, обусловившим в конечном счете характерные черты социального и государственного развития. Тезис В. О. Ключевского, а впоследствии М. К. Любавского, о том, что «история России есть история страны, которая колонизируется», представляет собой конкретизацию концепции Соловьева.

Важно, однако, обратить внимание на то, что концепция Соловьева была во многом шире и более монистична, чем концепции его последователей. Дело в том, что влияние географического фактора и колонизации на общественное развитие рассматривалось им через призму такого важнейшего фактора, как отношения собственности на землю, т. е. выступало в качестве материальной, экономической основы. Традиционный тезис о географическом факторе и роли колонизации у А. Д. Градовского обогащается новой чертой – им подчеркивается неоднозначность взаимодействия (не только сотрудничество, но и конфликт) между государством и колонизацией. Интересно, что решающая роль в процессе колонизации отводится именно народу, а не государству. Процесс вольной колонизации («народное движение») рассматривается как первичный и противопоставляется вторичному – колонизации государственной («правительство едва успевало следовать за этим народным движением»). В трактовке географического фактора и колонизации Коркуновым имеется определенная специфика: особенности русской колонизации выясняются в сравнительной перспективе. Если западные государства приобретали колонии прежде всего в целях экономической их эксплуатации (решение метрополиями проблем избытка населения, рост обрабатывающей промышленности, получение удобных рынков сбыта товаров), то русская колонизация, счи-

тает он, носила прежде всего политический характер, в частности, осуществлялась для обеспечения границ государства. В то же время он обращает внимание на специфику развития демографических процессов на Западе и в России.

Специфика социальных процессов в России, в отличие от Западной Европы, виделась в особенностях ее геополитической ситуации: на Западе из-за отсутствия свободных пространств и высокой плотности населения фактор колонизации не играл такой значительной роли, как в России. В результате социальные противоречия в странах Западной Европы не снимались, а, наоборот, приобретали острый характер, решались путем борьбы. Это, как считал, например, Коркунов, вело к постепенному складыванию населения в «определенные, резко обособленные сословия», которые объективно противостояли государственной власти и ограничивали ее, добивались от нее гарантий сословных и личных прав подданных. Совершенно иной представлялась ситуация в России, где широкий простор земли, степи окружающих ее окраин давали возможность недовольным элементам общества избегать борьбы с властью за счет освоения все новых земель. Поэтому «недовольные у нас не брались за оружие, а разбегались». Это развитие «вширь» приводило к снятию конфликтных ситуаций, отсутствию выраженных социальных противоречий, что, в свою очередь, вело к запаздыванию по сравнению с Западной Европой развития социальных отношений, формирования сословной организации общества. «Отсутствие скученности и простой оседлости населения делало невозможным и образование сколько-нибудь организованных сословий». Сословные различия при этом предстают как результат деятельности государственной власти, а не ее ограничение. В соответствии с этим и задачи самого государства в России были специфичны: они состояли не в утверждении светской власти против враждебных сословных притязаний, а в выполнении чисто хозяйственных функций – «чтобы собрать полуоседлое население и как-нибудь устроить его».

Демократические реформы 1860-х годов создали объективные предпосылки для теоретического и исторического анализа права и правовых отношений в истории. Реформы, стимулируя интерес к изучению права и институтов, дали новый импульс развитию специального научного направления. Оно было представлено именами таких выдающихся ученых, как А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, В. И. Сергеевич, В. Н. Латкин, А. Н. Филиппов, М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Э. Нольде и др. Центральной фигурой в этом ряду является А. Д. Градовский, заложивший основы так называемой юридической школы, представляющей собой определенную модификацию основных положений, свойственных государственной школе в целом.

Переход от абстрактных философских доктрин к позитивизму означал определенный разрыв традиции: «абсолютному он (позитивизм) противопоставлял относительное, диалектическому развитию – развитие реальное, личному – социальное». Это означало появление ряда новых теорий права: оно понимается теперь и как социальная защита (Муромцев), и как разграничение интересов (Коркунов), и как нравственность (Петражицкий), и как порядок социальных отношений. Несмотря на различие подходов и определений, это был все же единый процесс переосмысления традиционных установок в отношении права с позиций «позитивной науки».

Важным направлением в решении проблемы уровней познания стала попытка использования в науках об обществе методов и понятийного аппарата естественных наук. Если главное отличие общества от природы состоит в наличии у человека сознания, разума, обуславливающих его поведение и делающих его непредсказуемым, то задача науки, следовательно, состоит в том, чтобы определить природу этих психических явлений, детерминирующих поведение человека, и на этой основе перейти от изучения индивида к изучению общества как совокупности индивидов. Эти настроения дали почву созданию психологической школы в социологии, представленной именами Г. Тарда, В. Вундта и других исследова-

телей, а также в праве, наиболее видным представителем которой явился Л. И. Петражицкий. Поиски формальных оснований поведения привели, в частности, к широкому применению учения о рефлексах – рефлексологии (в терминологии И. П. Павлова) к объяснению социальной психологии и поведенческих явлений, получившему развитие и в последующей социологической мысли (школа бихевиористов). Однако психологическая интерпретация общества имела тот существенный недостаток, что, ставя психику и поведение человека в центр внимания, она не объясняла, собственно, социальные детерминанты этой психики и поведения, а также их эволюцию в ходе общественного развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.